

СЧ 5/
В338

АННЕ-КАТРИНЕ
ВЕСТАИ

ГЮРО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

АННЕ-КАТРИНЕ ВЕСТЛИ

ГЮРО

Повесть

Перевод
с норвежского
Л. Торлиной

Рисунки
О. Рытман

Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1979

И(Норв)
В38

Anne-Cath. Vestly

GURO

Tiden, Oslo, 1975

Вестли А. К.

**В38   Гуро: Повесть. Пер. с норв. Л. Горлиной; Рис.
О. Рытман.— М.: Дет. лит., 1979.— 112 с., ил.**

В пер.: 35 коп.

Повесть о шестилетней девочке Гуро и её маме, о том, как в поисках работы мама устраивается дворником в новом районе большого города с его социальными контрастами.

В $\frac{70802-406}{1101(63)79}$ 349—79

И(Норв)

© Перевод на русский язык. Иллюстрации.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». 1979 г.

МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИК

В поезде Гюро сидела тихо как мышка. В голове у неё теснились всякие мысли. Она думала сразу о многом: и о странном сегодняшнем дне, и о том, что мелькало за окном вагона, и о маме, у которой в глазах стояли слёзы, оттого что ей не хотелось уезжать. Правда, мама говорила, что это от простуды, но Гюро всё поняла: просто мама не хочет, чтобы Гюро знала, что она плачет.

Да, Гюро прекрасно поняла маму.

— Надень шарф, а то ещё больше простудишься,— сказала она.

Мама улыбнулась и буркнула: «Угу». Она видела, что Гюро понимает, что она только делает вид, будто простужена, потому что не хочет огорчать Гюро своими слезами.

Гюро и самой было невесело и тоже не хотелось, чтобы это было заметно. Она сидела и вспоминала всех, с кем простилась сегодня утром, в том числе и красный автобус, который привёз их на станцию. Автобус был последний, кому она сегодня сказала: «До свидания». Он привёз их на станцию, развернулся и поехал домой, только уже без них.

Вскоре к перрону подошёл поезд, и Гюро с мамой стали

искать свободные места. Им посчастливилось найти два местечка у окна. Они сидели друг против друга и могли сколько угодно смотреть в окно. Постепенно мысли Гюро переключились на то, что она видела за окном. Вон стоит один дом, рядом — другой, и во всех домах живут люди. Интересно, как они выглядят? За домами начинались заснеженные поля. Потом поля сменил лес, и, наверно, в лесу стоял лось. Только бы он не вздумал выйти на рельсы, ведь он может попасть под поезд. Но вот лес кончился, и поезд остановился у новой станции. На платформе было много людей, они все собирались куда-то ехать. Может, кто-нибудь сядет и в их купе? Когда папа Гюро был болен, он однажды сказал:

— Вообще-то, Гюро, всем людям на земле следовало бы познакомиться друг с другом. Жаль только, что это трудно сделать.

— Тогда бы им пришлось всё время ездить и говорить друг другу: «Здравствуй, вот мы и познакомились!» или «Здравствуй, теперь мы с тобой знакомы!» — сказала Гюро.

— Да, им пришлось бы ездить из страны в страну, и у них больше ни на что не осталось бы времени. Но если ты как следует познакомишься с самой собой, тебе будет легче понять и другого человека. И получится, будто ты немножко знакома со всеми людьми.

Гюро считала, что уже неплохо познакомилась с самой собой, и сейчас ей не терпелось, чтобы кто-нибудь сел рядом с ними. Но пассажиры спешили мимо, пока наконец какая-то важная дама в сопровождении молоденькой девушки и маленького мальчика не остановилась у их купе.

— Здесь свободно? — спросила она.

— Да, пожалуйста, — ответила мама. — Сейчас я уберу сумку.

Новые пассажиры уселись и замолчали. Взрослые смотрели в окно, но мальчик смотрел только на Гюро. Гюро тоже смотрела на него, они глядели друг другу прямо в глаза.

Вдруг мальчик скорчил рожу. Конечно, ему гораздо больше хотелось бы попрыгать с Гюро, может быть, даже потолкать её немножко, побегать наперегонки. Мало ли есть способов познакомиться друг с другом! Это только взрослые торжественно раскланиваются и говорят: «Разрешите представиться, моя фамилия такая-то...»

Мальчик продолжал корчить рожи, и если тебе хочется знать, как он выглядел, опусти уголки рта, будто собираешься заплакать, сощурь глаза и сморщи всё лицо, чтобы оно было похоже на печёное яблоко.

Мальчик проделывал это очень быстро. Гюро слегка улыбнулась. Вообще-то ей было сейчас не до улыбок: она должна показать этому мальчику, что умеет корчить рожи ещё почище, чем он. Её мама, сидевшая рядом с мальчиком, не видела его кривляний, зато Гюро была хорошо видна ей. Мама возмутилась.

— Гюро, как ты себя ведёшь! Сию же минуту перестань! — воскликнула она.

Гюро строго взглянула на маму — та ей помешала сделать очень смешную рожу. Правда, Гюро тут же забыла о маме; засунув в рот большие пальцы, она оттянула книзу уголки губ. Она знала, что выглядит сейчас очень не привлекательно, — не зря она много раз проделывала это перед зеркалом.

— Гюро, прекрати! — сказала мама.

Словно очнувшись, Гюро опять взглянула на маму.

Оттого что в купе сидели чужие люди, мама стала непохожа сама на себя. Лицо у неё было суровое и голос звучал строго.

Разве так разговаривают друг с другом настоящие друзья? А ведь перед отъездом, когда им обеим было грустно оттого, что с ними больше нет папы и что им приходится навсегда покинуть свой маленький домик у шоссе, мама сама сказала, что они должны быть друзьями.

«Настоящие друзья всегда помогают друг другу», — сказала она в тот вечер.

Гюро, точно мешок, сползла со скамейки на пол. Внизу неприятно пахло трубами, обогревавшими вагон, и пол был заляпан грязью от мокрых башмаков и сапог, которые прошли здесь за день. Неожиданно кто-то плюхнулся на пол рядом с Гюро. Это был мальчик. Он толкнул её, и она в ответ толкнула его.

И тут же на полу зашевелились все ноги. Несмотря на то что проход между скамейками и столиком был очень узкий, мальчик был поднят и водворён на прежнее место. Потом от окна двинулись мамины сапоги, и высоко над Гюро раздался её голос:

— Прошу прощения за беспокойство, но здесь так тесно, я только подниму её.

Мама подняла Гюро и весьма решительно посадила на место. Мать мальчика сунула ему в руку сдобную булочку.

— Я предупреждала тебя, что ты поедешь с нами, только если будешь хорошо себя вести.

Мама вернулась в свой уголок и снова стала смотреть в окно. Гюро тоже повернулась к окну, но видела она плохо — глаза ей застлали слёзы. Из-за них казалось, будто от деревьев исходят сверкающие лучи. К тому же у неё потекло из носа. Гюро украдкой вытерла нос. Когда её слёзы высохли, она повернулась к незнакомой даме.

— Моя мама ни капельки не простужена! — сказала она. Дама удивилась.

— Вот и хорошо, — сказала она, — а то сейчас все болеют гриппом.

Мама на секунду растерялась.

— Боюсь, Гюро, что теперь ты простудилась, — сказала она и улыбнулась. — Может, хочешь бутерброд с яйцом?

Гюро отвернулась к окну, подумала секунду и подняла на маму глаза.

— Мы квиты, — сказала мама.

Она произнесла это самым обычным голосом, и Гюро поняла: мама знает, что они обе вели себя не совсем так, как подобает добрым друзьям.

— Хочу, — сказала она, глядя на бутерброд.

Ей и в самом деле захотелось есть, и от этого стало весело. Так же весело ей становилось, когда папа называл её жеребёночком, потому что она любила бегать. Больше всего на свете Гюро любила быстро бегать, так быстро, что казалось, будто не бежишь, а летишь. «Жеребёночек Гюро, быстрый как ветер», — говорил папа, и Гюро очень нравилось, когда он так называл её. Но это бывало редко, чаще всего он звал её просто «доченькой», а когда ей хотелось спать, он называл её «соней». А ещё папа звал её «порохом» — это когда она сердилась, и если она сердилась долго, он говорил, что она «злючка-колючка».

— Вкусно, Гюро? — спросила мама.

— Ага, — ответила Гюро, — давай и мальчику дадим бутерброд.

— Спасибо, ему достаточно булочки,— сказала дама.— И поскольку вы обе простужены, ему лучше воздержаться от вашего бутерброда.

Гюро кивнула с серьёзным видом, а мама, чтобы скрыть улыбку, прижала платок к губам. Но Гюро видела, как над платком смеются её глаза.

Наконец мама справилась со своим смехом.

— Вы едете до Осло? — спросила она даму.

Так, благодаря детям, простуде и бутерброду, наконец познакомились и взрослые.

— Да, мы провожаем нашу сестричку.— сказала дама.— Она будет работать в городе на фабрике. К счастью, нам удалось снять для неё комнатку у наших знакомых. Тяжело отпускать дочь из дома, тем более что в городе человека подстерегает столько опасностей. Я её предупредила, чтобы она никогда не разговаривала с незнакомыми людьми и не носила с собой сумочку с деньгами. Говорят, в городе много воришек...

— Мама, не надо,— перебила её дочь.

— Нужно ко всему относиться разумно, как в большом городе, так и в маленьком,— заметила мама Гюро.— Одним в Осло нравится, другим там не по душе. Но ведь и провинция нравится не всем. Вся разница в том, что в большом городе больше народу, но зато и больше возможностей.

— Вы, наверно, живёте в городе и ездили куда-нибудь в гости? — поинтересовалась дама.

— Нет, мы жили в маленьком посёлке, а теперь переезжаем в город,— ответила мама.— Пока я не найду работу и жильё, нам придётся жить в пансионате.

— Это очень неудобно, особенно если ты не одна,— сказала дама и взглянула на Гюро.

— Ничего, всё уладится,— сказала мама.— Конечно, первое время нам придётся трудно. Когда-то у меня в Осло были друзья, но теперь они уехали, и я там никого не знаю.

— Но ведь мы можем со всеми познакомиться,— вмешалась в разговор Гюро.

— Смотрите, опять остановка,— сказала дама.— Помоему, этот поезд то и дело останавливается. Как называется это место? Ага, Бёссбю. Красивое местечко.

К тому времени Гюро уже расправилась с бутербродом. Она посмотрела на мальчика, а потом выглянула в коридор. Там тоже были окна. Раньше у ближнего окна стоял какой-то человек, но он вышел в Бёссбю, и теперь окно освободилось.

— Можно, я постою в коридоре? — спросила Гюро у мамы.— Я никуда не убегу.

— Пожалуйста,— ответила мама.— Только держись покрепче, а то упадёшь.

Вот теперь мама была такая, как всегда, и Гюро обняла её, словно хотела этим сказать, что она ею довольна.

Вслед за Гюро в коридор вышел и мальчик. Места у окна было достаточно для двоих.

Они одновременно приседали и подсказывали, с трудом удерживая равновесие, оттого что поезд очень трясло. Потом они поднимались на цыпочки или, растопырив пальцы, прижимали ладони к стеклу и смотрели сквозь них, как сквозь решётку. Они даже не разговаривали, только точно повторяли все движения друг друга. Этого оказалось достаточно, чтобы подружиться.

Гюро сразу же захотелось, чтобы мальчик тоже жил в городе, в одном доме с нею или где-нибудь по соседству. Она даже представила себе, как они целый день вместе бегают и играют.

Поезд снова остановился.

— Как называется эта станция? — спросила Гюро.

— Кюлпен,— ответила мама.

— Кюлпен, Кюлпен, Кюлпен.— пропел мальчик и вынул язык.

— Кюлпен, Кюлпен, Кюлпен,— повторила Гюро, высушила язык, и они оба засмеялись.

— Вот весёлые дети! — сказал человек, севший в Кюлпене, он занял в их купе последнее свободное место.

— Они уже подружились,— сказала мама.— А ведь начали с того, что корчили друг другу рожи.

— Хм! — усмехнулся человек.— Представляю себе, как мы, взрослые, корчим друг другу рожи, когда хотим познаться.

Мама засмеялась, за ней засмеялись и дама с дочерью, а сам человек начал хохотать так, что чуть не задохнулся. В купе сразу стало шумно и весело. Забыв, что в поезде надо крепко держаться, мальчик упал, разбил нос и громко заплакал. Смех мгновенно утих.

— Вернись-ка лучше на своё место, Гюро,— сказала мама.— Тебе не мешает отдохнуть перед городом.

Город... Гюро уже почти забыла о нём. А ведь теперь они с мамой будут жить в большом городе, о котором она не знает ничего, кроме того, что ей рассказывала мама. «Лучше бы мы всю жизнь ехали в поезде,— мечтала Гюро.— Мы бы здесь жили, спали на скамейках, а ели бы бутерброды. И мальчик жил бы с нами. Мы бы с ним смотрели в окно и пели: «Кюлпен, Кюлпен, Кюлпен». Под эти мысли Гюро заснула и проснулась только тогда, когда все кругом зашевелились и стали надевать пальто. Мальчик вцепился в рукав матери, испугавшись, как бы впопыхах она про него не забыла.

Теперь у Гюро с мальчиком уже не было времени поиграть друг с другом, они стали будто чужие. Но когда поезд остановился, мальчик, выходя из купе, обернулся к Гюро и скорчил ей рожу. И она поняла, что они всё-таки друзья.

Дама, простившись с Гюро и её мамой и поблагодарив их за компанию, быстро пошла к выходу, увлекая за собой сына. Ей не терпелось поскорей выйти из вагона.

— Мы тоже так побежим? — спросила Гюро.

— Нет, нам спешить некуда, — ответила мама. — Времени у нас достаточно, а чемоданы тяжёлые. Ты не забыла свой рюкзак?

— Вот он, — сказала Гюро. В этом рюкзаке лежали её самые любимые вещи: маленькая деревянная лошадка и карманный фонарик, трактор и молоток, тряпичная кукла и ещё всякая всячина.

А в больших тяжёлых чемоданах была их одежда, та, которая могла им понадобиться в первое время. Все же остальные вещи были сданы на хранение в Гампетреффе: Гюро и мама не могли взять их с собой, пока у них не было постоянного жилья.

В городе Гюро растерялась. Она крепко держалась за чемодан, так как свободной руки у мамы не было, а кругом раздавались незнакомые звуки, спешили, обгоняя друг друга, люди, и сновали маленькие жёлтые вагонетки — одни доставляли груз к поезду, другие, наоборот, забирали его из вагонов. Гюро никогда в жизни не видела такой суеты.

— Мы поедem на такси, — сказала ей мама, — смотри внимательней, ведь это твоя первая поездка по городу.

Они выбрали на вид самого доброго таксиста, и он помог маме поставить чемоданы в багажник. В машине у него играл приёмник.

— Видишь, Гюро, этой музыкой город говорит тебе: «Здравствуй!» — сказала мама.

Такси мчалось очень быстро, несмотря на то что на улице было много автомобилей. Наверно, водитель хорошо знал дорогу. Вот он остановился у пансионата. Гюро увидела высокую каменную стену с множеством окон и тяжёлой дверью. Они с мамой вошли в эту дверь и оказались в небольшой тёмной комнате. Мама объяснила Гюро, что эта комната называется «вестибюль». Из вестибюля вели две лестницы,

на одной из них было написано: «Пансионат», так что мама сразу поняла, куда надо идти.

На их звонок вышла какая-то женщина.

— Добро пожаловать,— приветливо сказала она.— Сейчас я покажу вам вашу комнату.

Они вошли в длинный-предлинный коридор, и хотя у Гюро за спиной был рюкзак, а на ногах тяжёлые башмаки, она попробовала пробежаться по этому замечательному коридору, так как весь день просидела в поезде неподвижно. Однако хозяйка пансионата тут же остановила её.

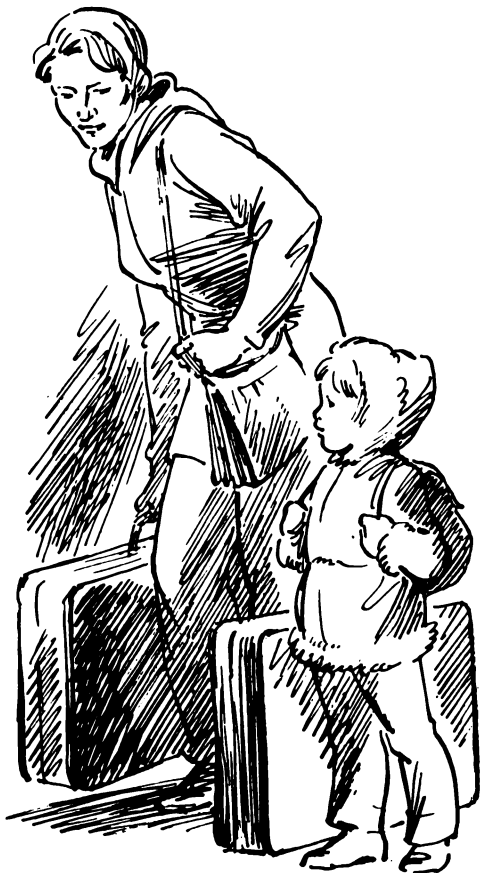
— У нас нельзя бегать,— сказала она,— вдруг кто-нибудь из жильцов отдыхает после обеда. Мы, как правило, не принимаем жильцов с детьми. У нас тут все любят покой.

— Мы это учтём,— сказала мама.— Гюро, иди, пожалуйста, потише.

— Вот ваша комната,— сказала хозяйка, открыв одну из дверей.

Мама поблагодарила её, и они с Гюро наконец остались вдвоём.

В комнате стояла большая кровать для мамы и маленький диванчик для Гюро. Кроме этого, здесь были стол, стул, большой платяной шкаф и маленький комодик.

Первым делом мама вытащила из чемодана папину фотографию, чтобы и он как будто был с ними, а потом застелила стол и комодик красивыми домашними салфетками.

— Ну вот, теперь здесь как дома, — сказала она. — Давай-ка поедим, а потом заберёмся ко мне на кровать и сыграем в лото.

— А как же мы будем мазать сажей нос тому, кто проигрывает: ведь здесь нет печки? — спросила Гюро — дома они всегда так наказывали проигравшего.

— А мы это сделаем завтра, — сказала мама. — Я найду пробку, мы её обожжём, и у нас будет сажка.

Поев, они стали смотреть в окно на автомобили и прохожих, на уличные фонари и светящиеся витрины.

— Город как человек, — сказала мама. — Нужно время, чтобы с ним познакомиться. Нельзя сразу сердиться на него, а то никогда хорошо его не узнаешь.

— А в поезде мы с мальчиком познакомились очень быстро, — сказала Гюро. — Я на него ни капли не рассердилась, хотя и скорчила ему свою самую противную рожу.

Потом они уселись на мамину кровать и стали играть в лото.

— Как будто мы с тобой играем в лесу на полянке, — сказала Гюро.

— Да, и как будто нам очень весело и хорошо, — подхватила мама.

— Весело и хорошо нам с тобой не как будто, а на самом деле, — поправила её Гюро.

ТЮЛИНЬКА

Когда утром Гюро проснулась, оказалось, что она лежит уже не у мамы в постели, а на маленьком диванчике, который всю ночь притворялся, будто он тоже настоящая кровать. Мама встала рано. Она уже успела побывать в мага-

зине и принесла домой хлеб, молоко, масло, сыр, несколько газет и карту города.

— Я хочу прочитать в газетах объявления насчёт работы,— сказала она.— А карта поможет нам добраться в любой уголок города.

— Лучше бы мы остались в Гампетреффе,— сказала Гюро.— Там у нас был такой красивый дом.

— Я ведь тебе объясняла, Гюро,— сказала мама,— что мы заняли много-много денег, чтобы купить этот дом. А когда папа заболел, нам стало нечем платить и пришлось его продать.

— Там у меня был гараж для велосипеда, а здесь нет даже и велосипеда,— вздохнула Гюро.

— Ну и что,— сказала мама.— Твой велосипед хранится на складе вместе с другими вещами. Придёт время — и он снова вернётся к тебе. Тем более, сейчас зима и кататься на велосипеде всё равно нельзя.

— В том доме с нами был папа, а здесь его нет,— сказала Гюро.

— Это правда,— вздохнула мама.— Но раз мы его любим, значит, он с нами, хотя его больше нет в живых. Папа очень хотел, чтобы мы с тобой были друзьями и всегда помогали друг другу. Вот и помоги мне, скажи: с какой работы мне следует начать?

— Тебе следовало работать в Гампетреффе, тогда бы мы не уехали оттуда,— ответила Гюро.— Почему ты не могла ходить по домам и помогать, кому нужно, как тётя, у которой были Золотые Руки? Она всегда брала с собой Лилле-Бьёрна, а ты могла бы брать меня.

— Гампетрефф — маленький посёлок,— сказала мама,— там достаточно одной тёти Золотые Руки. Не могла же я отнимать у неё работу. Ты вот мне скажи, что я умею делать лучше всего?

Гюро задумалась.

— Лучше всего ты умеешь мастерить мебель, красить стены и вбивать в них крючки,— сказала она наконец.

— Это верно, такая работа мне по душе,— призналась мама,— но здесь мне придётся заниматься чем-нибудь другим. Скорей всего, я наймусь вести у кого-нибудь хозяйство, чтобы нам с тобой дали комнату.

— Ну что ж,— сказала Гюро,— ты хорошо моешь полы, особенно если рассердишься. А когда тебе грустно, ты любишь печь хлеб.

— Я вижу, ты знаешь обо мне больше, чем я сама,— засмеялась мама.— И насчёт хлеба ты не ошиблась. Когда на душе невесело, очень полезно месить тесто, только боюсь, что здесь, в пансионате, это мне не удастся, хотя мне и разрешили отдельно готовить для нас с тобой еду, после того как все жильцы отобедают и посуда будет перемыта. Так что мы с тобой не пропадём, а сейчас собирайся, пойдём знакомиться с городом!

Они вышли на улицу. Гюро казалось странным, что люди проходят мимо друг друга, не здороваясь и не останавливаясь поболтать, как это делают в Гампетреффе. Зато городские сады и парки пришлись ей по душе. Мама ловко находила по карте один парк за другим. Вот где можно было побегать вволю! К тому же в парках не было уличного шума и не нужно было поминутно оглядываться на машины. Правда, там не было и красивых нарядных витрин. Гюро с мамой долго гуляли по городу. И когда Гюро вспомнила о пансионате, ей очень захотелось вернуться туда, ведь теперь он был ей вроде дома. Конечно, лучше было бы вернуться в Гампетрефф, в их маленький домик, но Гампетрефф был далеко, и вернуться туда было невозможно. А вот пансионат был близко, и там — маленький диванчик, на котором она спала ночью, и окно, в которое можно смотреть на автомобили, не боясь, что они тебя задавят. Смотреть в окно совершенно безопасно. А длинный-предлинный коридор! Конечно,

в башмаках там бегать нельзя, это мешает жильцам, которые любят поспать после обеда или до него. Но если пробежаться по коридору в одних чулках... да, да, она пролетит там, словно ветер, и никто ничего не услышит.

Уборная находилась в отдельном маленьком коридорчике. Вчера вечером и сегодня утром её туда провожала мама. Но после прогулки Гюро решила пойти туда одна. Ей было любопытно, будет ли там занято. Вдруг ей придётся подождать в коридоре? А может, наоборот, кто-нибудь подёргает за ручку, когда она будет внутри?

Однако ничего такого интересного не случилось. Гюро вышла из уборной в маленький коридорчик, там было пусто. Большой коридор тоже был пуст. На цыпочках, чтобы не шуметь, Гюро побежала к себе.

Только на другое утро, когда мама пошла звонить по объявлению насчёт работы, Гюро осмелилась пробежать по коридору так, как ей хотелось. Конечно, дома она бегала гораздо быстрее, там её ноги почти не касались земли, а волосы развевались по ветру, но и здесь она бежала довольно быстро. Добежав до конца коридора, она повернула обратно. Неожиданно она заметила, что одна из дверей чуть-чуть приоткрыта. Гюро остановилась, она уже собиралась на цыпочках проскользнуть мимо, как услышала странные, но знакомые звуки. За дверью кто-то плакал.

— Ну, Тюлинька, перестань же, возьми себя наконец в руки,— всхлипывая, бормотали за дверью.

Тюлинька? Неужели там за дверью плачет маленькая девочка, которую кто-то утешает?

Гюро не удержалась и вошла в комнату. Там сидела пожилая женщина, она была совершенно одна и очень удивилась, увидев Гюро.

— Ты простудилась? — быстро спросила Гюро. Теперь она знала, что взрослые любят так говорить, когда не хотят, чтобы кто-нибудь заметил, что они плачут.

— Да,— сказала женщина,— то есть нет. Конечно, дружок, я могла бы сказать тебе, что простужена, но ведь это была бы неправда. Нет, я не простужена, просто я плачу от собственной глупости и оттого, что на свете всё так сложно.

— Разве старым тоже бывает грустно? — удивилась Гюро.

— В том-то и дело, что бывает,— ответила женщина.— Хочешь, я расскажу тебе, почему мне грустно? Во-первых, потому, что я вышла на пенсию. Вчера я последний день работала у себя на Телеграфе. Мне подарили цветы, вазу и часы. Сегодня мне уже не надо идти на работу, а это очень грустно. И во-вторых, меня пугает предстоящий переезд. В этом пансионате я прожила тридцать лет, но теперь мне это уже не по средствам, и я должна переехать в маленькую

квартирку, в дом, где я не знаю ни души. И ещё надо упаковывать вещи, сегодня привезут ящики...

— А где же твоя Тюлинька? — спросила наконец Гюро.

— Тюлинька? — удивилась женщина. — Так ведь это я и есть.

— Не может быть, — сказала Гюро. — Тюлиньками зовут только маленьких девочек, а ты уже взрослая.

— Правильно. Меня звали Тюлинькой, когда я была маленькая, и все привыкли к этому имени, — объяснила женщина. — Даже на Телеграфе меня все звали Тюлинькой. Видишь, на вазе так и написано: «Нашей Тюлиньке от её товарищей по работе».

— Если тебе грустно, приходи вечером играть с нами в лото, мама уже достала пробку, — предложила ей Гюро. — А потом мы с мамой поможем тебе уложить вещи. Мы очень хорошо умеем паковать вещи, только что мы делали это дома.

— Вы меня спасёте! — воскликнула Тюлинька.

— А сейчас мне пора, мы идём искать работу, — сказала Гюро.

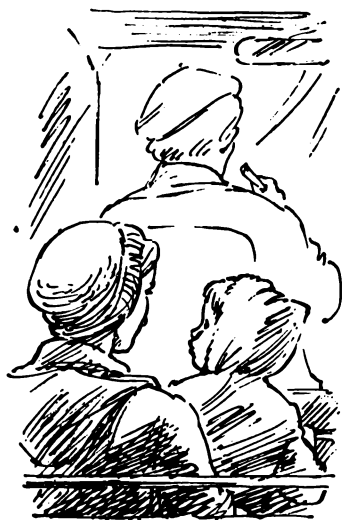
— Беги, мой дружок. Мы ещё с тобой увидимся, — сказала Тюлинька.

— Мне жалко, что ты собираешься уезжать отсюда, — призналась Гюро. — Ведь я никого здесь не знаю, кроме тебя.

— Может, ты приедешь ко мне в гости на новую квартиру? — спросила Тюлинька. — Боюсь, что мне там будет очень одиноко.

Мама уже в пальто ждала Гюро. Гюро рассказала ей про Тюлиньку, но умолчала о том, что бегала по коридору. Правда, маме показалось подозрительным, что Гюро пришла в одних чулках, держа туфли в руке, но поскольку они собирались уходить, она не стала спрашивать, зачем Гюро разулась.

— Давай быстрее, — заторопилась мама. — Я обещала приехать в одиннадцать. В объявлении сказано, что требует-

ся женщина, которая могла бы работать по дому и ухаживать за садом. Предоставляется большая светлая комната с ванной. Заманчиво, правда?

— Очень заманчиво, — согласилась Гюро.

Они посмотрели по карте и увидели, что им надо ехать сперва на трамвае, а потом на автобусе.

— Замечательно, мы увидим почти весь город, — сказала мама.

Гюро крепко держала маму за руку, когда они переходили большую улицу, а мама внима-

тельно смотрела сначала в одну сторону, потом в другую. Постояв немного и набравшись мужества, она быстро-быстро побежала через улицу.

Только у самого тротуара мама перешла на свой обычный шаг.

В вагоне они сидели сразу за вожатым, и Гюро смотрела, как он управляет трамваем. Он передвигал какую-то ручку то вправо, то влево, останавливал вагон, снова трогал его с места и звонил в звонок. Потом он подносил ко рту какую-то трубочку, и тогда все в трамвае слышали его спокойный, уверенный голос:

— Вагон работает без кондуктора. Проходите вперёд! Здесь вы тоже можете оплатить проезд!

Иногда вожатый тормозил, словно оберегая всех — и ехавших в трамвае, и идущих по улице, а также автомобили и мотоциклы, и всё время он разменивал пассажирам деньги и объявлял остановки.

— Я бы хотела, чтобы ты работала вагоновожатой. Тогда бы я целый день каталась с тобой на трамвае,— сказала Гюро.

— Я бы тоже хотела,— сказала мама,— но на вагоновожатого надо долго учиться, а мне хочется поскорей найти работу, чтобы у нас с тобой было своё жильё. Жить в пансионате очень дорого.

— Конечно,— согласилась Гюро.— И потом там нельзя бегать, хотя вообще-то мне там нравится.

Наконец они вышли из трамвая, пересели в автобус, и автобус повёз их далеко за город. Впрочем, это был ещё город, только дома здесь стояли не так тесно, как в центре. Мама по карте нашла остановку, где им следовало выходить, и они пошли по неширокой извилистой дороге, вдоль которой росли деревья. Дома здесь стояли в садах. На деревьях сверкал иней. Гюро смотрела на эти деревья, но будто не замечала их, она чувствовала, как волнуется и даже чуть-чуть побаивается мамы, которая шла так быстро только потому, что хотела, чтобы всё было уже позади.

Они остановились перед красивым домом, сразу за ним начинался большой сад, куда выходила веранда с широким крыльцом.

Мама поднялась на крыльцо и позвонила. Гюро осталась внизу, залюбовавшись домиком, выстроенным из снега. Заглянув туда через окно, она увидела стул, на котором валялась газета. Было совершенно ясно, что сидеть в таком домике ни капли не холодно.

В это время отворилась дверь большого дома, и мама заговорила с хозяйкой.

— Меня зовут Эрле Лёнгмю,— сказала мама.— Это я вам звонила нынче утром.

— Прекрасно. А скажите, могли бы вы, например, приготовить праздничный ужин? — спросила хозяйка.

— Боюсь утверждать,— сказала мама,— но мне кажется,

что это не очень сложно. С обычным обедом я вполне справляюсь, а работать в саду даже люблю.

— А хорошо ли вы стираете? — спросила хозяйка. — И потом, есть ли у вас рекомендации? У меня должна быть гарантия, что на вас можно положиться.

— Видите ли, я никогда не вела такого большого хозяйства, — ответила мама, — но по мелочам помогала многим и, конечно, могу получить рекомендации там, где я жила раньше.

— Если судить по виду, то вы человек вполне надёжный, — сказала хозяйка. — И кажется, вы достаточно сильная, а это особенно важно. У нас много работы. Идёмте, я покажу вам вашу комнату.

— Спасибо, — сказала мама. — Пошли, Гюро.

— Кто это Гюро? — удивилась хозяйка.

— Моя дочка, — ответила мама.

— Почему же вы не сказали мне о ней по телефону? — спросила хозяйка. — Я считала, что вы одна. Значит, вы собирались жить у меня вместе с дочкой? Мне очень жаль, но это невозможно. У нас у самих есть сын, и я не знаю, что скажет мой муж, если в доме окажется двое детей. Один ребёнок — это один ребёнок, но двое — это всё равно что десять.

— Я вас понимаю, — сказала мама. — Простите за беспокойство.

Она взяла Гюро за руку и быстро вышла за калитку. Гюро поняла, что оглядываться не следует: у мамы был такой вид, будто ей хотелось поскорее забыть и этот дом, и эту хозяйку.

— Ладно, — сказала наконец мама, — нет и не надо. Завтра придумаем что-нибудь другое.

— Лучше бы я с тобой не поехала, — сказала Гюро. — Тогда бы тебе не пришлось говорить ей про меня.

— А что бы мы стали делать дальше? — спросила мама.

— А дальше — ты бы меня спрятала и я была бы твоим секретом,— продолжала Гюро.— Мы бы с тобой разговаривали только после работы.

— Нет,— заявила мама.— Я не хочу, чтобы ты была секретом. Бежим-ка лучше на автобус, а то он уйдёт без нас.

В городе Гюро увидела человека, который подметал тротуар.

— Мама,— сказала она,— а может, ты тоже будешь подметать улицу? Тогда я всегда могла бы быть вместе с тобой. Ты дала бы мне маленькую метёлку, и мы бы работали вдвоём.

— Хорошо, об этом мы ещё подумаем,— сказала мама.— Ты не тревожься за нас. В пансионат уплачено за месяц вперёд, я получаю пенсию, и мы никому ничего не должны. У нас всё будет хорошо.

— А как зовут людей, которые купили наш дом? — спросила Гюро.

— Фамилию их я забыла,— сказала мама.— Помню только, как зовут близнецов. У них такие красивые имена — Вальдемар и Кристи́на.

— Это те дети, которые теперь живут в нашем доме? — спросила Гюро.

— Да,— ответила мама.

— Правда, имена красивые,— согласилась Гюро.— Значит, теперь эти Вальдемар и Кристина бегают и к нашему столюру, и в наш лес, а нам здесь даже побегать нельзя из-за автомобилей?

— Здесь тоже можно будет бегать,— утешила её мама.— По воскресеньям, когда у меня будет выходной, мы с тобой станем ездить за город. Там можно сколько угодно гулять и бегать по лесу. Только надо немного подождать, пока мы устроимся.

Вдруг Гюро увидела какую-то огромную яму, обнесённую забором.

— Идём посмотрим,— предложила ей мама.

Внизу работали люди, там было темно, сыро и оглушительно грохотало железо.

— Тяжёлая работа у этих людей. Подумай только, весь день пробыть там внизу,— заметила мама.

— Пожалуйста, найди себе другую работу,— попросила её Гюро.— Сюда мне будет страшно ходить даже с тобой.

— Не бойся, мы найдём что-нибудь другое,— утешила её мама.

Вокруг гудели машины, и Гюро невольно вспомнила, как тихо было возле того дома, где мама не получила работу. Мысли вихрем закружились у неё в голове, правда, по ней этого не было заметно. Она спокойно шла за руку с мамой и как будто разглядывала витрины, а на самом деле думала о том, как бы сложилась их жизнь, если бы она, Гюро, стала вдруг невидимкой.

Вот мама получила работу в том доме, и они живут в большой светлой комнате. Гюро бегает по саду, потому что она невидимка и никто не подозревает о её присутствии. Иногда она заходит к маме на кухню, где мама готовит праздничный ужин. Хозяйка, конечно, не догадывается, что она здесь, а мама знает и только посмеивается, беседуя с хозяйкой. Потом Гюро снова убегает гулять, она играет с мальчиком, который построил снежный дом, но он не видит её и не знает, что она с ним играет. Если мальчик окажется добрым, она ему скажет: «Дай честное слово, что никому про меня не скажешь, тогда я тебе покажусь. И мы сможем играть вместе. А когда придёт твоя мама, я опять стану невидимкой, и она подумает, что ты разговариваешь сам с собой, как Тюлинька».

Вспомнив про Тюлиньку, Гюро заторопила маму.

— Идём скорей домой,— сказала она,— ведь я пригласила Тюлиньку играть с нами в лото.

— Идём,— ответила мама.— Мы с тобой пообедаем, а

позже, когда кухня освободится, я сварю кофе, и мы пригласим к нам твою Тюлиньку.

Вечером они постучали к Тюлиньке. Она, как и утром, сидела в слезах. В комнате стояло несколько ящиков для упаковки, и Тюлинька растерянно смотрела на них, не зная, с чего начать.

— Я слышала, что Гюро пригласила вас к нам играть в лото, — сказала ей мама. — Я присоединяюсь к этому приглашению, ведь мы здесь со всем никого не знаем.

— Я бы с удовольствием поиграла в лото, но мне надо укладываться, — ответила Тюлинька. — Впрочем, у меня есть ещё несколько дней.

— Вот и прекрасно, сегодня поиграем в лото, а завтра мы поможем вам уложить вещи, — сказала мама. — Мне будет очень приятно немного поработать.

— Я с радостью приму вашу помощь, лишь бы поскорей избавиться от этих ящиков, — сказала Тюлинька. — Гюро, у меня есть для тебя небольшой подарок. Видишь этих маленьких кукол — мальчика и девочку? Я их дарю тебе в знак благодарности за то, что ты так сердечно утешала меня

сегодня утром. К сожалению, я не могу подарить тебе и большую куклу, потому что с ней играла ещё моя мама, когда была маленькая.

— Эта кукла похожа на старинную даму,— сказала Гюро.

И она не ошиблась. У куклы были завитые локоны, шляпа с цветами, кружевное платье, белые чулки и чёрные туфельки. Она была так прекрасна, что Гюро не посмела бы даже прикоснуться к ней. Зато с маленькими куклами можно было играть как угодно. На мальчике были короткие штанишки, гольфы и свитер, у девочки — вязаное платье и светлые волосы.

— Я не давала им никаких имён,— сказала Тюлинька.— Назови их сама, как хочешь.

— Вальдемар и Кристина,— тут же решила Гюро и подумала про себя: «Тогда я смогу играть, как будто я снова дома, там, где живут настоящие Вальдемар и Кристина».

— Мы ждём вас играть в лото,— сказала мама Тюлиньке.

Мама и Тюлинька пили кофе с печеньем, а Гюро — молоко. Вальдемар и Кристина сидели на кровати и смотрели на них.

— Сегодня мы не будем думать о моих вещах,— сказала Тюлинька,— мы будем только играть в лото.

Так они и сделали. Тюлинька проиграла, и Гюро мазнула ей по носу жжёной пробкой. Тюлинька была в восторге.

— Теперь я ничего не боюсь, потому что у меня есть такие друзья! — сказала она.

В эту ночь на маленьком диванчике, который притворялся будто он настоящая кровать, спали трое — Гюро, Вальдемар и Кристина.

Утром мама надела брюки, в которых обычно красила, столярничала или занималась какой-нибудь другой грязной работой. Гюро тоже надела брюки и свитер, те, что постарее, и они обе постучались к Тюлиньке. Та сидела на диване и, как накануне, растерянно смотрела на ящики.

— Вот хорошо, что вы пришли,— сказала она.— Никак не могу решить, с чего начать. Что надо сперва укладывать, посуду или книги?

— Конечно, надо начинать с посуды,— сказала мама.— Чашки, блюда, тарелки и вообще всё, что бьётся, мы завернём в рубашки и полотенца. Таким образом мы упакуем сразу и бельё и посуду.

— Великолечно! — воскликнула Тюлинька.— Я бы сама никогда до этого не додумалась! Сказать по правде, у меня не так уж и много вещей. Мебель почти вся принадлежит пансионату, кое-что, правда, здесь есть из моего родительского дома. Но главное — это вазы, я очень боюсь за них.

— Те вещи, которые вам особенно дороги, мы положим в чемодан и возьмём с собою в такси,— сказала мама.

— Без вас я бы пропала,— вздохнула Тюлинька.— Очень плохо, когда человек один. Гюро, я думаю, нам с твоей мамой надо говорить друг другу «ты», как ты считаешь?

Гюро и мама засмеялись.

— С удовольствием,— сказала мама.— Меня зовут Эрле.

— Прекрасно,— обрадовалась Тюлинька.— Мы трое всегда будем помогать друг другу.

От радости она даже запела высоким дребезжащим голосом «Три девушки шли по дороге». И они принялись за дело. Главную работу выполняла мама, Гюро и Тюлинька только подавали ей вещи, и вскоре они упаковали всё, что могло разбиться.

— Теперь возьмёмся за книги,— сказала мама.— Начи-

найте без меня, я должна пойти позвонить насчёт работы.

— Хорошо,— сказала Тюлинька.— Кстати, мне тоже нужно позвонить по телефону.

— Пожалуйста, тогда звони ты первая, я могу обождать,— предложила мама.

— Нет, это совсем другой телефон,— засмеялась Тюлинька.— Мы здесь так говорим, когда надо выйти в уборную,— объяснила она.

Мама тоже засмеялась, и они с Тюлинькой вышли из комнаты, а Гюро осталась с Вальдемаром и Кристиной. Сперва она стояла неподвижно, держа их в руках, а потом что-то придумала.

— Я должна стать невидимкой,— сказала она им,— только тогда мама получит работу.

Но Вальдемар и Кристина явно не понимали её, и ей пришлось всё объяснить им.

— Я спрячусь в один из ящиков, как будто меня здесь нет,— сказала она.— А вы пока посидите на диване. Смотрите не проговоритесь, где я.

Она влезла в большой ящик, прикрылась сверху серой обёрточной бумагой, и её как будто не стало. Вернувшись в комнату, Тюлинька очень удивилась.

— Гюро, где же ты? — воскликнула она.— Вальдемар и Кристина здесь, а ты... Ну, ничего, наверное, Гюро скоро вернётся,— сказала она куклам.

В это время в дверь постучали.

— Зачем ты стучишься, Эрле? — удивилась Тюлинька.— Ведь ты только что вышла отсюда.

Но оказалось, что это не Эрле, это пришла подруга Тюлиньки по имени Лиллен.

— Я так и знала, что ты уже начала упаковывать вещи,— сказала она.— Хотя я сама паковать не умею и доктор запретил мне поднимать тяжести, я решила составить тебе компанию, чтобы тебе не было так грустно. Что я вижу! Ты

упаковала уже два ящика? И даже додумалась завернуть посуду в бельё!

— Это не я додумалась, — призналась Тюлинька. — Мне, можно сказать, небеса послали на помощь двух человек — маму Эрле и дочку Гюро.

— Ты давно с ними знакома? — поинтересовалась Лиллен.

— Со вчерашнего дня, — ответила Тюлинька. — Они недавно поселились в нашем пансионате. Сперва я познакомилась с дочкой, а потом уже и с мамой.

— Другими словами, тебе помогают совершенно чужие люди? — испугалась Лиллен. — Но ведь они могут тебя обокрасть! Откуда ты знаешь, что они не унесут потихоньку что-нибудь ценное. Если бы ты посоветовалась со мной, я бы предостерегла тебя.

— Лиллен, ты опять начиталась в газетах всяких страшных историй! — засмеялась Тюлинька. — После них тебе всюду мерещатся воры. Подожди, сейчас ты сама их увидишь и поймёшь, что ошиблась. Не понимаю только, куда запропастилась Гюро? Надо посмотреть у неё в комнате. Эрле ушла звонить по телефону, и за девочку отвечаю я.

Гюро уже собиралась выпрыгнуть из ящика с криком: «А я здесь!» — словно чёртик из табакерки, как в сказке, которую ей читала мама, но в эту минуту Лиллен воскликнула:

— Что, что? Ушла звонить? Можешь не сомневаться, она разговаривает сейчас со своими сообщниками и наверняка обещает прихватить с собой всё, что сможет!

— Перестань, Лиллен, — оборвала её Тюлинька. — Пожалуйста, замолчи, мне просто смешно.

Тюлинька вышла из комнаты, а Гюро лихорадочно сообщала, что же ей теперь делать. Она сидит в ящике, Вальдемар и Кристина — на диване, а рядом с ними — эта противная тётка, которая так плохо говорила об её маме.

Конечно, Вальдемар и Кристина испугались и надеются, что она скоро перестанет быть невидимкой.

Гюро вылезла из ящика.

— Ну вот, теперь меня снова видно. Идёмте домой, — сказала она куклам.

От удивления Лиллен застыла с разинутым ртом, но, увидев, что Гюро уносит кукол, она очнулась.

— Стой, озорница! — воскликнула она. — Это не твои куклы! Сейчас же положи их на место!

Взглянув на неё, Гюро вновь посадила Вальдемара и Крестину на диван.

— Прощайте, нам больше нельзя быть вместе! — сказала она им и бросилась вон из комнаты.

В дверях она столкнулась с Тюлинькой.

— Гюро, я же тебя всюду ищу! — воскликнула Тюлинька. — Я так испугалась, что тебя нет!

— А меня и нет, я уйду, — прошептала Гюро.

— Что случилось, ты устала? Почему ты не берёшь своих друзей? — спросила Тюлинька.

Но Гюро, не ответив, выбежала из комнаты.

— Подумай, я поймала её на месте преступления! — сказала Лиллен. — Она хотела унести твоих кукол. Мне очень интересно, что ещё у тебя пропало?

В это время в дверь постучали, и вошла мама.

— Ну вот, наконец я дозвонилась, — сказала она. — Я прочла в объявлении, что одинокому человеку требуется работница на три дня в неделю. Он не против, чтобы со мной жила Гюро. Говорит, что предоставит мне большую, хорошую комнату. Я обещала вечером приехать к нему.

— Это вы ему сейчас звонили? — спросила Лиллен. — Тюлинька, а что я тебе говорила?

Но Тюлинька не ответила ей.

— Эрле, — сказала она, — начни, пожалуйста, упаковывать книги, а мне надо на минутку выйти вместе с Лиллен.

— А где же Гюро? — поинтересовалась мама.

— Она у себя. Сейчас мы вернёмся вместе с нею, — ответила Тюлинька.

Она за руку вытащила Лиллен в коридор.

— Лиллен, если ты сию минуту не извинишься перед Гюро, я больше не буду с тобой разговаривать, — сказала она ей очень твёрдо. — Во всяком случае сегодня. И боюсь, что мне очень не скоро захочется тебя снова увидеть.

— Ты хочешь, чтобы я извинилась перед ребёнком? — удивилась Лиллен.

— Вот именно, — строго сказала Тюлинька. — Взрослые всегда просят прощения, когда обидят друг друга. Почему же они не должны просить прощения у ребёнка, если незаслуженно его обидели? Не знаю, сдержишь ли ты слово, если пообещаешь больше никогда не говорить таких глупостей, боюсь, твой язык опять подведёт тебя, но попросить прощения ты можешь. Я сама подарила Гюро кукол, и это единственные друзья, какие у неё есть в этом огромном городе. Так что тебе следует поторопиться!

Она постучала в дверь и, не дожидаясь ответа, втолкнула Лиллен в комнату.

— Где же ты, Гюро? — спросила Лиллен, оглядываясь. — Мне у вас очень нравится — какая красивая салфеточка!.. Сколько тебе лет, деточка?.. Нет, кажется, я говорю не то. Тюлинька, что я должна сказать?

— Тебе это лучше знать, — строго ответила Тюлинька и отвернулась к окну.

— Да, конечно. Прости, пожалуйста, что я подумала, будто ты украла этих кукол. Я больше так не думаю. Видишь ли, Тюлинька — моя лучшая подруга, и я хотела помочь ей. Ты очень на меня обиделась?

— Да, — ответила Гюро. — Зачем ты плохо говорила о маме?

— Как, ты и это слышала? — в ужасе воскликнула

Тюлинька.— Что же нам теперь делать? Хочешь, Лиллен извинится и перед мамой?

— Нет,— решила Гюро, подумав,— ведь мама ничего не слыхала, а если мы ей расскажем, ей станет очень обидно.

— Я вижу, ты настоящий товарищ! — сказала Тюлинька и пригласила Гюро и Лиллен в свою комнату.

— Мне не хочется,— призналась Гюро, взглянув на Лиллен.

— Но тогда мама обо всём догадается, а ведь мы договорились не огорчать её,— сказала Тюлинька.— К тому же Лиллен извинилась перед тобой. Ты не думай, она вообще-то очень добрая, но иногда может сболтнуть лишнего. И потом она любит фантазировать. Ей за каждым углом мерещатся разбойники.

— Ну, хорошо, идёмте, только сначала я забегу сюда,— сказала Гюро и побежала в маленький коридорчик.

— Мы тебя подождём,— сказала Тюлинька.

Мама укладывала в ящик книги, она стояла низко наклонившись, но, услышав шаги, подняла голову.

— Где ты была, Гюро? — спросила она.

— Звонила по телефону,— ответила Гюро.

— Это чистая правда,— подтвердила Тюлинька.— А теперь мы все будем помогать Эрле. Мы с Гюро будем снимать книги с полок, а Лиллен сядет на стул и будет принимать их у нас и отдавать Эрле. Я думаю, Лиллен, это не очень тяжело для тебя?

— Конечно,— сказала Лиллен.— Я тоже хочу работать.

Уложив книги, они все вместе пообедали в пансионатской столовой, а потом снова до самого вечера помогали Тюлиньке.

Вечером мама сказала:

— К сожалению, мне пора идти смотреть ту комнату, о которой я вам говорила. Гюро, тебе придётся лечь спать без меня. Мне не хочется брать тебя с собой так поздно.

— Я могу посидеть с Гюро, если нужно,— предложила Тюлинька.

— Это будет замечательно! — обрадовалась мама.

— Тебе далеко ехать? — спросила Тюлинька.

— По-моему, близко,— ответила мама и показала по карте, куда она поедет.

— Это же совсем рядом с Лиллен! — воскликнула Тюлинька.— Эрле, пожалуйста, проводи её. Лиллен очень боится ходить одна, особенно по вечерам.

Мама уложила Гюро в постель, и вскоре к ним пришли Тюлинька и Лиллен. Лиллен непременно хотела попрощаться с Гюро.

— Ты на меня больше не сердись? — шепнула она, наклонившись к её диванчику.

Гюро серьёзно покачала головой.

— Вы можете идти,— сказала Тюлинька.— Держитесь покрепче друг за друга.

— Мама, а разве туда нельзя пойти утром? — спросила Гюро.

— Нет,— ответила мама,— хозяин просил, чтобы я пришла вечером и непременно сегодня. Это очень выгодное место, оно привлекает многих, и я могу потерять его, если отложу всё до утра.

И она ушла, оставив Гюро и Тюлиньке два апельсина.

Тюлинька спросила у Гюро:

— Что тебе рассказать, сказку или про то, как я была маленькая?

— Как ты была маленькая,— решила Гюро.— А когда ты была маленькая, ты была такая же большая, как я?

— Сперва я была гораздо меньше, чем ты,— начала рассказывать Тюлинька.— Все люди сперва бывают очень маленькие, а потом вырастают. Так вот, когда я была уже не совсем маленькая, но всё-таки меньше, чем ты, у меня умерла мама. Мы с папой жили в доме, где у папы на первом

этаже была лавка. Папа много времени проводил в этой лавке и решил нанять какую-нибудь женщину, чтобы она присматривала за мной. Если бы ты только знала, сколько женщин побывало в нашем доме, и все они должны были заменить мне маму. Одни были добрые, другие — злые, но о них я расскажу тебе в другой раз. Так вот, в один прекрасный день папа привёл домой ещё одну женщину и сказал: «Знакомься, Тюлинька, эта тётя теперь всегда будет жить с нами». Они поженились, и у меня появилась новая мама.

— Она была злая мачеха, как в сказках? — спросила Гюро.

— Нет, — ответила Тюлинька. — Она была очень добрая мачеха, и мы с ней подружились. Я так любила её, что даже когда выросла, осталась жить дома вместе с нею. Я поступила работать телефонисткой и проработала там несколько лет. А потом переехала в Осло и стала работать на Телеграфе. Тридцать лет без перерыва я работала на Телеграфе, и вот теперь этому пришёл конец.

— Не плачь, — сказала Гюро. — Давай лучше играть в телефонисток. Возьмём себе по телефону и будем разговаривать.

Она спрыгнула с постели, подбежала к шкафу и достала оттуда две вешалки.

— Вот твой телефон, — сказала она Тюлиньке, отдавая ей одну вешалку, — а это — мой. Ты садись у двери, а я — здесь. Готова? Я начинаю. Алло, алло, телефонистка? Как вы себя чувствуете?

— Благодарю вас, прекрасно, — ответила Тюлинька. — С кем бы вы хотели поговорить?

— С Вальдемаром и Кристиной, если можно, — попросила Гюро.

— Пожалуйста, Вальдемар вас слушает, — ответила Тюлинька и шепнула: — А теперь я буду за Вальдемара.

— Здравствуй, Вальдемар! — закричала Гюро. — Ты там,

наверно, всё время бегаешь быстро-быстро? А ты знаешь, что раньше я тоже жила в этом доме? А до меня там жил один мальчик. Это он построил гараж для велосипеда. Ему помогал наш столяр. У этого мальчика была сухая веточка, похожая на человечка, он с ней дружил и никогда не расставался. Это мне рассказывала тётя, которую все зовут Золотые Руки. Передай от меня привет нашему дому.

— Непременно передам,— сказал Вальдемар.

— А теперь я хочу снова разговаривать с Тюлинькой,— сказала Гюро.— Тюлинька, ты меня слышишь?

— Да, да,— отозвалась Тюлинька.

В это время в дверях появилась мама.

— Как ты быстро вернулась! — удивилась Тюлинька.

Мама даже не заметила, что Гюро и Тюлинька сидят с вешалками в руках. Лицо у неё пылало.

— Что случилось, тебе отказали в комнате? — воскликнула Тюлинька.

— Я сама от неё отказалась,— ответила мама.

— Хозяин оказался злым и не захотел, чтобы я жила вместе с тобой? — спросила Гюро.

— Злым? Да нет, напротив, он был так добр, что я сразу заподозрила неладное,— ответила мама.

— Как это неладное? — удивилась Гюро.

— Он предложил мне стать его возлюбленной,— сердито сказала мама.— Впредь я буду осторожнее, когда придётся звонить по объявлению. А теперь давайте забудем об этом, и если Гюро хочет, мы можем сыграть в лото.

— Конечно, хочу,— обрадовалась Гюро,— а потом я разок пробегу по коридору. Ты не бойся: я — в тапочках и меня никто не услышит.

Пробежаться ей захотелось от радости, что мама так быстро вернулась, но только она спустила ноги на пол, как в комнате вдруг стало темно. А вот почему у них стало темно, вы узнаете из следующей главы.

Лампочка в комнате у мамы и Гюро погасла неожиданно, словно крикнула: «Прощай!» И сразу же в коридоре послышались голоса.

— У нас нет даже свечки, вот досада,— сказала мама.

— А у меня есть карманный фонарик! — воскликнула Гюро.— Мне его подарил папа. Он лежит у меня в рюкзаке.

— А где лежит рюкзак?

— У меня под диванчиком! — Гюро свесилась с диванчика, вытащила рюкзак, и через секунду у неё в руках уже горел фонарик.

— Без тебя я бы пропала! — засмеялась мама.

Гюро обрадовалась, ей даже показалось, что папа тут, с ними, оттого что в комнате горит подаренный им фонарик.

Мама вышла в коридор, Гюро в ночной рубашке зашлёпала следом, держа Тюлиньку за руку. Там они увидели хозяйку пансионата и старого Андерсена, который жил в пятом номере.

— Это, наверно, короткое замыкание,— сказала хозяйка.— Лампочка так и вспыхнула перед тем, как погаснуть. Что же нам теперь делать? У дворника грипп, жильцов ещё нет дома, а я сама боюсь лезть на стремянку и менять лампочку.

— Моя мама ничего не боится,— сказала Гюро.— Она умеет делать всё, кроме праздничного ужина.

— Дело нехитрое,— сказала мама.— Сперва надо вывинтить старую лампочку и проверить патрон, может, замыкание случилось в нём. Тогда патрон придётся починить, прежде чем ввинчивать новую лампочку.

— Как удачно, что вы оказались дома,— обрадовалась хозяйка.— Если вы дадите мне ваш фонарик, я принесу стремянку.

Хозяйка ушла, и они остались в крошечной тьме, как будто их здесь и не было, а только их голоса в темноте старались пробиться друг к другу.

— Мама, ты где? — спросила Гюро.

— Здесь, — ответила мама.

— Тюлинька, а ты?

— И я здесь, — ответила Тюлинька. — Ушла только хозяйка с фонариком.

— Я раскладывал пасьянс, когда погас свет, — сказал старый Андерсен.

В конце коридора показались два огонька: один — карманный фонарик Гюро, второй — свеча, которую держала хозяйка.

— Эта стремянка такая тяжёлая, — пожаловалась издали хозяйка, и мама, попросив, чтобы она ей посветила, поспешила к ней на помощь. Хозяйка водворила свечку на столик, стоявший в коридоре, и луч карманного фонарика заплясал вдаль, указывая маме, как найти стремянку. Мама вернулась, таща большую и тяжёлую лестницу, а луч фонарика уже забрался на потолок, и все увидели чёрную перегоревшую лампочку.

Мама расставила стремянку и полезла вывинчивать лампочку.

— Посветите мне, пожалуйста, — попросила она хозяйку, и та с готовностью направила луч прямо маме в лицо. Мама зажмурилась. — Нет, нет! — воскликнула она. — Светите не на

меня, а на лампочку!

Гюро, боясь, что мама упадёт, крепко держала стремянку, Тюлинька тоже. Мама вывинтила лампочку.

— Дайте-ка мне фонарик, — попросила она. — Так я и думала. В патроне сгорела изоляция, из-за этого и произошло замыкание. У вас найдутся кусачки?

— А что это такое? — спросила хозяйка.

— Это щипцы, которыми можно перекусить проволоку, — объяснила мама.

— У меня, у меня есть кусачки! — радостно воскликнула Тюлинька. — У меня есть целый ящик с разными инструментами, он принадлежал моему папе.

Теперь карманный фонарик передали Тюлиньке, и она вместе с Гюро, которая не решилась отпустить её одну, поспешила к себе в комнату. Там в шкафу стоял большой ящик с инструментами.

Они взяли его и отнесли маме.

— Прекрасно, сейчас я всё сделаю, — сказала мама.

Она зачистила обгоревшие

проводки, закрепила их и наконец ввинтила новую лампочку.

— Осталось только включить пробки, — сказала она.

— Первый раз вижу, чтобы женщина умела чинить электричество! — воскликнула хозяйка.

— Когда необходимо, я, конечно, могу кое-что починить, — сказала мама, — но всё-таки советую вам завтра пригласить настоящего монтажера. Пусть проверит, правильно ли я всё сделала.

— Не сомневаюсь, что всё сделано правильно, — сказала хозяйка. — А что касается пробок, я и сама могу их включить, это я умею.

И в пансионате снова вспыхнул свет, лампочки сверкали так, будто вовсе не гасли.

— Я вам очень благодарна, — сказала хозяйка маме. — И если вы не возражаете, я сейчас принесу к вам в комнату кое-что вкусненькое, и мы все вместе поужинаем. Я это припасла для Тюлиньки, хотела на прощание поужинать вместе с ней.

— И старый Андерсен пусть тоже пойдёт с нами, — сказала Гюро.

Но старый Андерсен поблагодарил за приглашение и, сказав, что он занят, обещал прийти к ним в другой раз.

И вот Гюро снова сидит на своей кровати, вернее, не на кровати, а на маленьком диванчике, который служит ей кроватью, рядом с ней сидит Тюлинька, мама забралась на свою постель, а хозяйка занимает единственный стул. Они едят принесённые хозяйкой бутерброды и беседуют.

— Как жаль, что Тюлинька от нас уезжает, — вздохнула хозяйка. — Правда, она обещала навещать нас, когда ей случится бывать в центре.

— Даже представить себе не могу, что в моей комнате будет жить чужой человек, — сказала Тюлинька.

— Да, и он приедет ровно через две недели, — сказала хозяйка. — Надо успеть отремонтировать комнату, а наш

дворник заболел, и я не знаю, как найти мастера за такой короткий срок.

— Хотите, я отремонтирую эту комнату? — предложила мама хозяйке.

— Неужели женщина может справиться и с такой работой? — удивилась та.

— Конечно, — вмешалась в разговор Гюро. — Моя мама может справиться с любой работой. Она сама красила наш дом и помогала столяру делать мебель. Она даже трактор водить умеет!

— Трактора у меня, к сожалению, нет, — засмеялась хозяйка и обратилась к маме: — Вы в самом деле считаете, что справитесь с таким ремонтом? Там надо побелить потолок и покрасить стены.

— Да, с этим я справлюсь, это несложно, — сказала мама. — Я даже рада, что у меня будет какое-то дело, пока я ищу себе работу. Вот только Гюро придётся поскучать, мы с ней не сможем гулять по городу.

— Ну и что, зато здесь мне не нужно быть невидимкой! — сказала Гюро.

Тюлинька и хозяйка не поняли, что она имеет в виду, но мама прекрасно поняла её и сказала:

— Не бойся, тебе нигде не придётся быть невидимкой. Но я смогу начать только послезавтра, — предупредила мама хозяйку, — завтра мы будем перевозить Тюлиньку, мы ей уже обещали.

В это время Тюлиньку вызвали в коридор — жильцы пансионата просили её прийти через полчаса в пятый номер к старому Андерсену, где они устраивали прощальный вечер в её честь.

— Тогда я должна надеть нарядное платье, — сказала Тюлинька. — Покойной ночи, Гюро. Спасибо тебе за помощь. Завтра утром мы встретимся, и ты будешь командовать моим переездом.

Гюро полежала недолго, прислушиваясь к голосам в коридоре, а потом уснула, и ей приснился папа — он был здоров, и она вместе с ним бегала по зелёному лугу.

Наутро маме пришлось пощекотать Гюро, чтобы разбудить её.

— Вставай скорей, — сказала мама. — Сегодня нас ждёт интереснейший день. Мы поедем с Тюлинькой в её новую квартиру. Ты увидишь место, которого никогда прежде не видела.

— Разве Тюлинька будет жить не в городе? — спросила Гюро.

— В городе, только на самой окраине, — ответила мама.

— Там, где тебя не взяли на работу, потому что у тебя есть я?

— Нет, это совсем в другом месте, — ответила мама, — кажется, оно называется Тутлетоппен, а может быть, Титлетопен или Тотиллтопен, не помню. Надо спросить у Тюлиньки. Собирайся скорей, Гюро, Тюлинька хотела выехать пораньше.

— Мы поедем на трамвае? — спросила Гюро. — Я здесь уже немного знакома с одним вагоновожатым.

— А ещё ты знакома с Тюлинькой, — сказала мама.

— И с Лиллен, и с жозайкой, которая думала, что ты не умеешь чинить свет, и с тётенькой, которая не хотела, чтобы я у них жила, и с мальчиком в поезде, и с Вальдемаром и Кристиной, и со старым Андерсеном из пятого номера, а больше пока ни с кем, — сказала Гюро.

— Не горюй, скоро ты ещё со многими познакомишься, — утешила её мама.

Грузовик уже стоял возле дома. На него погрузили ящики с книгами и посудой, коробку с фотографиями, несколько чемоданов и красивый ящик с инструментами. Стол, стулья, диван и другая мебель принадлежали пансионату и остались на прежнем месте, но, несмотря на это, комната Тюлиньки

показалась Гюро чужой. Тюлинька стояла посреди комнаты и как будто прощалась с каждой вещью.

— Ну вот и всё,— сказала она.— Вчера у старого Андерсена в мою честь был устроен небольшой ужин. Кое-кто там слишком выпил и развеселился, поэтому я рано ушла, но я знаю, что они не хотели меня обидеть. Я долго лежала и прислушивалась к их голосам и думала, что они собрались только ради меня. Это так странно. Они преподнесли мне чудесный подарок, вам никогда не угадать что́ они мне подарили! Это фотоаппарат! Я в жизни не сделала ни одной фотографии, но отныне буду фотографировать всё подряд. И первой, кого я сниму, будет Гюро!

Тюлинька поставила Гюро возле грузовика и с гордым видом щёлкнула аппаратом.

— Мы поедem на трамвае? — спросила Гюро.

— Нет, дружочек, сегодня мы поедem на такси,— ответила Тюлинька.— Мы повезём с собой вазы, которые я очень боюсь разбить, и горшки с цветами. Такси сейчас придёт.

«Горшки с цветами, цветы с горшками, цветочный горшок, горшечный цветок»,— стала повторять про себя Гюро непривычные для неё слова, а мама сказала спокойным и ровным голосом:

— Да, да, конечно.

Гюро с удивлением взглянула на маму. С виду мама была такая же, как всегда, но Гюро знала: если мама говорит таким голосом, значит, она думает о чём-то своём. С Гюро и с самой так бывало. Иногда Гюро удавалось угадать, о чём думает мама, но сегодня, сколько она ни ломала голову, она ничего не могла придумать.

А мысли мамы и в самом деле были заняты очень необычными вещами. Она думала об этом весь вечер и всю ночь. Когда она стояла на стремянке и чинила свет, ей пришлось в голову, что вовсе не обязательно идти работать служанкой к чужим людям. Жильё можно получить и другим способом.

Если она справится с тем, что задумала, то у них с Гюро будет своя маленькая квартира. Что же тут удивительного, если Гюро не могла разгадать её мыслей!

— Тириллтопен, Брусничная аллея, 14, корпус «Ю», — сказала Тюлинька шофёру.

— А я думала Тутлетопен! — засмеялась мама.

Тутлетопен! Тотлетопен! Бумлетопен! Тумлетопен! Тириллтопен! Тириллтопен! Гюро захотелось, чтобы с ними в такси ехал мальчик из поезда! Как весело было бы прыгать вместе с ним на заднем сиденье и приговаривать эти смешные слова!

— А почему с тобой нет Вальдемара и Кристины? — спросила Тюлинька у Гюро.

— Я их оставила дома, чтобы они не мешали мне командовать твоим переездом, — ответила Гюро. — Но я обещала им, что вечером непременно вернусь домой.

Тюлинька сказала, что хочет посмотреть пароходы, и попросила шофёра ехать по набережной. Они поехали вдоль причалов. Там, протянув к небу длинные руки, стояли подъёмные краны, на пароходах развевались флаги разных стран. Рядом с пароходами стояло какое-то странное огромное сооружение с башней.

— Что это? — спросила Гюро.

— Нефтяной танкер, — ответила Тюлинька.

«Нефть, топка, нефтяное отопление», — тут же подумала мама, а вслух сказала:

— Эту топку мне необходимо освоить.

— Какую топку — на танкере? — удивилась Тюлинька.

— Нет, я думала об отоплении в домах, — ответила мама.

— Я вижу, Эрле, тебя интересует всё на свете, — засмеялась Тюлинька.

Но маму интересовало далеко не всё. «Если я справлюсь с тем, что пришло мне в голову, когда я стояла на стремян-

ке,— думала мама,— то остальная работа меня уже не пугает. Я люблю и стены красить, и мебель чинить, и землю копать. Может, нам вовсе и не придётся жить у чужих людей, которым не нравится, что у меня есть дочка».

Так думала мама, а вот Тюлинька думала о том, что без Гюро и Эрле она чувствовала бы себя самым одиноким человеком на свете.

Тем временем причалы кончились и дорога пошла в гору, хотя кругом были ещё городские улицы и стояли городские дома.

Вскоре вдали показался лес, а перед ним — другой, лес из высоких жилых корпусов. Одни были чуть-чуть повыше, другие — пониже, и было их очень много.

— Приехали,— сказала Тюлинька.— Вот здесь я и буду жить. Только я никак не могу запомнить свой корпус. Кажется, этот.

Перед одним из корпусов стоял уже знакомый им грузовик, и Гюро закричала:

— Тюлинька, вот наш грузовик, значит, это твой дом!

— Совершенно верно,— сказала Тюлинька дрогнувшим голосом.

Гюро тут же взяла её за руку, а мама сказала:

— Если ты расплатилась, пошли скорей. Гюро, возьми этот цветок.

Сама мама взяла чемодан с хрупкими вазами и сумку с цветочными горшками. Последний горшок достался Тюлиньке.

— Мы поднимемся на лифте,— сказала она.— Я живу на одиннадцатом этаже.

У парадного стояли три девочки со школьными ранцами. одна из них спросила:

— Бритта, можно, мы пойдём к тебе?

— Нет,— ответила Бритта.— Сегодня моя мама работает в магазине, а она не разрешает, чтобы вы приходили без неё.

Она говорит, что мы устраиваем беспорядок. Вы подождите меня, я скоро выйду.

— Девочки, можно я вас сфотографирую? — спросила Тюлинька. — Вы первые, кого я встретила здесь в день моего переезда.

Девочки захихикали и стали в ряд, Тюлинька щёлкнула аппаратом.

— Ты тоже будешь здесь жить? — спросила Бритта у Гюро.

— Нет, — Гюро помотала головой, — я только команду переездом.

Это прозвучало так значительно, что все девочки с уважением посмотрели на неё.

— Как хорошо, что мне подарили аппарат,— сказала Тюлинька.— Теперь я буду всё фотографировать и вести записки, и у меня совсем не останется свободного времени, как будто я не на пенсии.

Они вошли в лифт. Гюро первый раз в жизни поднималась на лифте, это было новое ощущение, словно она бежала с закрытыми глазами, но бежала не вперёд, а вверх, всё выше и выше, пока лифт не остановился на одиннадцатом этаже, где находилась квартира, в которой отныне будет жить Тюлинька.

Эта квартира состояла из одной комнаты, кухни, ванной и крохотного чуланчика.

— В подвале у меня есть ещё кладовка для продуктов,— сказала Тюлинька,— но я даже не знаю, что там держать. Запасов я не делаю, варенья не варю, да и стряпать-то почти не умею, ведь я всю жизнь жила в пансионате на готовом. После рабочего дня было очень приятно получать готовый обед.

— А теперь ты научишься готовить себе сама,— сказала мама.— Я подарю тебе поваренную книгу, и увидишь, как у тебя всё прекрасно получится. Плита на кухне есть?

— Конечно,— ответила Тюлинька.— И плита, и холодильник, и одна кастрюлька, остальное я куплю потом. Идёмте, я покажу вам свою обстановку, у меня есть и новая мебель и старая.

Гюро больше всего понравилась красная тахта.

— Она не простая, она с секретом,— сказала ей Тюлинька.— Если её разложить, на ней смогут спать сразу два человека. Так что я могу принимать гостей даже с ночёвкой — сама я буду спать на кровати.

Кровать стояла, спрятавшись в стену: там была сделана специальная ниша.

— Здесь я повешу штору, и тогда ни один человек не догадается, что у меня там кровать,— сказала Тюлинька.

— А почему ты не хочешь, чтобы её все видели? — удивилась Гюро.

— Иногда нужно, чтобы здесь была гостиная, а не спальня,— объяснила Тюлинька.— Смотри, это секретер из папиного дома, за ним я буду писать. А это папин книжный шкаф. Он немного старомодный, теперь все предпочитают полки без стёкол, зато за стёклами книги не так пылятся. Вот только не знаю, хватит ли мне одного этого шкафа, у меня книг много.

— Со временем я тебе сделаю полку для книг,— пообещала мама.— А сейчас давайте приниматься за уборку.

— А когда уберём, пойдём в кафе обедать,— предложила Тюлинька.

— Зачем же в кафе, можно поесть и здесь,— сказала мама.— Это твой дом, и обедать надо дома. Так будет и вкуснее и дешевле. Я сбегая в магазин за мясом и овощами, и мы сварим суп в твоей единственной кастрюльке.

Они распаковали посуду и временно поставили её в кухне на столе. Потом мама расставила в шкафу книги, а те, что не влезли, сложила в чуланчике.

— Давай повесим твои картины и фотографии,— предложила она Тюлиньке.— Здесь сразу станет уютнее.

Но стены в доме оказались бетонными, и крючки для картин погнулись, не желая входить в твёрдую поверхность.

— Придётся обратиться к дворнику,— сказала Тюлинька.— Меня предупреждали, что, если понадобится, он мне поможет.

Мама спустилась вниз и нашла дворника. Он жил на первом этаже. Дворник принёс с собой инструмент, который назывался дрелью.

— Электрическая дрель — единственное, что берёт эти стены,— сказал он.— Можно, конечно, долбить и шлямбуром, но это долго, да и грохоту на весь дом.

Гюро показалось, что от дреди тоже достаточно грохоту, но он быстро утих.

— Это тяжело? — спросила мама.

— Да нет, по-моему, — ответил дворник. — Но если будешь сверлить долго, руки устанут.

— Можно мне попробовать? — спросила мама.

Гюро с удивлением взглянула на неё: мама, как ребёнок, даже дрожала от нетерпения.

— Пожалуйста, — ответил дворник. — Где вы хотите повесить эту картину?

— Эту над тахтой, — сказала Тюлинька. — Я постелила газету, можете становиться прямо на тахту.

Мама вскочила на тахту и взяла дрель.

— Эрле, мне даже смотреть на тебя страшно, и потом этот шум. Мы с Гюро пойдём на кухню.

Гюро не хотелось уходить, ей было любопытно, как мама справится с этой работой, но мама попросила её побыть с Тюлинькой. Когда они ушли, мама поставила дрель к стене, и сверло запело в бетоне. Дырочка получилась в самый раз.

— Ставлю тебе «отлично»,— сказал дворник.

— Дворнику всё надо уметь,— сказала мама.

— Почти всё,— согласился он.

— Как думаешь, а я могла бы быть дворником? — спросила мама.

— Ты? — удивился дворник.— По-моему, женщин не берут на такую работу, хотя, кроме топки, ничего мудрёного в ней нет. А вот топку женщине не осилить.

— Но ведь можно специально поучиться,— сказала мама.

— Дело не в этом,— сказал дворник,— раз в месяц надо обязательно прочищать трубы, и тогда приходится орудовать инструментом, который весит раза в четыре больше, чем эта дрель. И его надо не просто держать в руках, им надо работать. Для этого мне приходится забираться на особую подставку. Нет, это трудно. Да ведь и другая работа тоже нелёгкая. Зимой, к примеру, надо на тракторе расчищать снег, летом подстригать машиной газон...

— Ну, с этими-то машинами я умею управляться,— сказала мама.

— А покрасить кое-что, а постолярничать? А иногда даже ночью приходится вставать, чтобы унять каких-нибудь буянов или драчунов. А ещё надо рано утром упаковывать мусор в мусоросборнике.

— Со всем этим я бы справилась,— сказала мама очень серьёзно.

— Тебе лучше всего попробовать в доме, где отопительная система нагревается электричеством,— сказал дворник.— Только боюсь, что и там тебе будет тяжело, это мужская работа.

— Видишь ли, в чём дело,— сказала мама дворнику,— нам с Гюро негде жить. То есть сейчас мы живём с ней в пансионате, так что крыша над головой у нас есть. Но мы не можем жить там вечно, поэтому мне надо подыскать себе работу с жильём. Вот если бы ты разрешил мне по-

практиковаться у тебя! Надо попробовать, что это за работа.

— Это пожалуйста,— сказал истопник.— В любое время, когда тебе будет удобно.

— Ладно, договорились, только сперва я обещала отремонтировать одну комнату в пансионате.

Услыхав, что дрель больше не работает, Тюлинька и Гюро вернулись в комнату.

— Мы тоже времени даром не теряли,— сказала Тюлинька,— мы убрали в кухонный шкаф всю посуду, и там осталось ещё очень много места.

— Молодцы,— сказала мама.

Дворник повернулся к Гюро.

— Значит, ты и есть Гюро? — спросил он.

— Да,— ответила она и, подойдя к нему поближе, оглядела его со всех сторон.— Теперь я с тобой немного знакома,— сказала она.

— А я с тобой! — засмеялся дворник, поднял её к самому потолку, а потом осторожно опустил на пол.

Когда он ушёл, Гюро ещё долго радовалась, что ей удалось потрогать рукой потолок: ведь это бывает не каждый день. Мама сходила в магазин и вернулась с мясом, зеленью и картошкой. Она была так весела и столько смеялась, что Гюро с удивлением на неё поглядывала. Да, первый день у Тюлиньки в квартире удался на славу.

— Я должна сфотографировать вас на балконе! — сказала Тюлинька, и мама с Гюро вышли на балкон. От страха Гюро зажмурила глаза, но когда Тюлинька щёлкнула аппаратом, она сразу их открыла.

Наконец, Гюро и мама стали собираться домой, Тюлиньке стало грустно, и голос у неё задрожал.

Выйдя из подъезда, мама и Гюро посмотрели на дом. Тюлинька стояла на балконе и махала им большой красной косынкой. Гюро, откинув голову, замахала ей в ответ. Она так долго смотрела вверх, что у неё закружилась голова.

— Обопрись о меня, а то упадёшь,— сказала ей мама.

Гюро оперлась о маму, и, когда снова подняла голову, ей показалось, что Тюлинька не стоит на балконе, а парит в воздухе.

— А теперь мы с тобой поедem на метро,— сказала мама.

— Это такой трамвай? — спросила Гюро.

— Нет, это скорее поезд,— ответила мама.

Оказалось, что поезд метро состоит из нескольких вагончиков, он ехал то под землёй, то по земле, и в каждом вагоне сидело много-много людей. Гюро внимательно их разглядывала, но познакомиться с ними в этот раз ей так и не удалось.

МАМА МАЛЯРНИЧАЕТ

На другой день мама начала белить потолок в той комнате, где раньше жила Тюлинька, и Гюро была очень довольна, что осталась не одна, а с Вальдемаром и Кристиной. Конечно, она могла сколько угодно смотреть, как мама работает, но ведь скучно долго стоять, задрав голову к потолку. Можно было ещё пойти на кухню и посмотреть, как толстая кухарка мешает в огромной кастрюле суп, а молоденькая девушка помогает ей мыть посуду и чистить картошку. Но мама не разрешала Гюро часто заходить на кухню — в этом пансионате считали, что дети всегда мешают,— и хотя Гюро никому не мешала, а тихонько стояла в сторонке и смотрела, она поняла, что на кухне лучше всего быть невидимкой.

Оставался только двор, куда можно было попасть прямо из подъезда. Мама и Гюро решили, что Гюро будет гулять во дворе, а мама время от времени будет поглядывать на неё из окна кухни, чтобы Гюро не чувствовала себя одиноко.

Во дворе было таинственно и необычно. Все окна, выходящие во двор, с любопытством уставились на Гюро. В углу двора стояли бачки с отбросами. Правда, от них не очень

хорошо пахло и мама велела Гюро держаться подальше, но всё-таки это было интересно.

Вальдемар и Кристина были одеты слишком легко и, чтобы они не замёрзли, Гюро завернула их в свой шарф. Наружу у них торчали только носы. Бегать во дворе было негде, и, главное, Гюро смущали смотрящие на неё окна, поэтому ей не оставалось ничего иного, как разговаривать с Вальдемаром и Кристиной.

— По-настоящему мы с вами не здесь, а в Гампетреффе,— говорила она куклам.— Мы дома и бежим по старой тропинке. Вы её теперь хорошо знаете.

Она закрыла глаза и отчётливо увидела перед собой знакомую тропинку. Вальдемар и Кристина тоже, конечно, видели эту тропинку, хотя они глаз не закрывали.

Оказывается, можно было стоять неподвижно и играть, будто ты бегаешь. Гюро не знала, сколько времени она простояла во дворе, как вдруг обнаружила, что очень замёрзла. Особенно у неё замёрзли ноги.

Когда она поднялась домой, мама сказала:

— Разденься поскорей и заберись в мою кровать, а я принесу тебе чего-нибудь горячего. Кухарка обещала приготовить нам бутерброды.

Под тёплым одеялом Гюро быстро согрелась. Мама растёрла ей ноги и надела сухие шерстяные носки. А потом они пили какао с бутербродами, и Гюро очень удивлялась, что можно так проголодаться, стоя на одном месте.

— Ты лежи, а я снова пойду красить,— сказала мама, весь халат у неё был в белых пятнах. Представляете себе, как бы она выглядела, если б не надела халата!

В эту минуту маму позвали к телефону. Звонила Тюлинька.

— Алло! Алло! — сказала Тюлинька.— Сегодня мне поставили телефон! Я уже давно заказала себе номер, ещё когда работала на Телеграфе. Как поживает Гюро?

Мама сказала, что Гюро замёрзла на улице и теперь греется в постели.

— Эрле, пусть Гюро поживёт у меня, пока ты занята ремонтом,— предложила Тюлинька.— Если хотите, она будет ночевать дома, а утром ты будешь привозить её ко мне. Я буду её «дневной мамой», ладно?

— С удовольствием, если у тебя есть время,— сказала мама.

— Времени у меня больше чем достаточно,— сказала Тюлинька.— Скажи Гюро, чтобы она захватила с собой Вальдемара и Кристину.

— Только мы приедем очень рано,— предупредила мама.— Завтра я начну красить стены. Потолок будет готов уже сегодня.

— Очень хорошо. Я привыкла рано вставать и вовсе не собираюсь отказываться от этой привычки,— сказала Тюлинька.

Наутро мама и Гюро вышли из дома рано-рано, и Гюро увидела совсем новый город, какого она никогда ещё не видела. Со всех сторон спешили на работу люди. Одни так торопились, что почти бежали, другие, казалось, спят на ходу. Они, наверно, встали так поздно, что не успели даже выпить кофе. Зато сам город как будто отдохнул и выспался, и не так сильно, как днём, пахло выхлопными газами. Гюро очень понравилось идти в метро вместе с потоком людей. В вагоне было так тесно, что места на скамейке хватило только для мамы, она села и посадила Гюро к себе на колени.

Гюро разглядывала пассажиров. Они все были разные. Одни выглядели грустными, и ей хотелось утешить их. Другие, напротив, шумно радовались наступившему дню. Многие везли с собой детей.

— Дети тоже едут на работу? — спросила Гюро.

— Нет, их везут в детский сад,— ответила мама.— Они будут там играть, пока их родители не вернутся с работы.

А некоторые, наверно, тоже едут к своим дневным мамам, как ты.

— Я еду к Тюлиньке, а не к маме,— сказала Гюро.

— Давай считать, что это твоя работа. Ты должна постараться, чтобы Тюлинька не чувствовала себя одинокой,— сказала мама.

Гюро взглянула на маму.

— Тогда тебе тоже лучше остаться с нами,— сказала она.

— Я должна красить комнату в пансионате,— сказала мама,— но вечером я к вам приеду.

Гюро промолчала. Она то смотрела в окно, то разглядывала пассажиров, и никто бы по её виду не догадался, что мысли её далеко отсюда. Как же она целый день будет без мамы! Конечно, она будет не одна, а с Тюлинькой, но ведь всё-таки без мамы!

Однако ни в метро, ни по дороге к дому, ни в лифте она не обмолвилась об этом ни словечком.

Тюлинька обрадовалась их приходу. Наверное, ей и в самом деле было очень одиноко, и всё-таки, когда мама, пообещав приехать вечером, стала прощаться, Гюро вцепилась в её пальто.

— Если ты меня не отпустишь, я опоздаю на поезд,— сказала мама.

— Не уходи! — попросила Гюро.

— Но ведь ты знаешь, что я крашу комнату!

— Гюро, ты не хочешь, чтобы я была твоей дневной мамой? — спросила Тюлинька.

Гюро покачала головой.

Тюлинька вздохнула, и по её лицу Гюро поняла, как она огорчена.

— Я хочу, чтобы ты была только Тюлинькой,— сказала Гюро.

— Ну что ж, буду только Тюлинькой.

— И немножко дневной мамой,— согласилась Гюро.

Тюлинька просияла, а мама тут же сказала:

— Значит, всё в порядке, Гюро? Тогда я побежала, помащите мне с балкона.

— Хорошо,— сказала Гюро, выпустила мамино пальто, но тут же снова в него вцепилась.— А ты скоро вернёшься?— спросила она.

— Вечером, я тебе уже говорила,— сказала мама.— Тюлинька, вы, кажется, собирались сегодня в лес?

— Обязательно,— сказала Тюлинька.— Вальдемар и Кристина тоже пойдут с нами. Вчера, когда мне было нечего делать, я связала им тёплые варежки и шапки.

— Покажи,— обрадовалась Гюро.— Вот хорошо, а то они у меня очень мёрзли.

И она вспомнила, как скучно и холодно ей было гулять во дворе пансионата — нет, всё-таки неплохо, что она останется с Тюлинькой!

— До вечера! — сказала мама и ушла.

На первом этаже мама зашла к дворнику и договорилась, что через несколько дней начнёт с ним работать и учиться всему, что надо знать дворникам.

— Это будет моя школа,— сказала она.

— Школа дворников! — засмеялся он.— Первая в нашей стране.

— Я заплачу тебе за учение,— сказала мама.— Ведь тебе придётся тратить на меня своё время.

— Сперва поглядим, будет ли тебе от этого польза,— сказал дворник.— Да и иметь помощника тоже недурно.

— Значит, договорились,— сказала мама.— Там, на одиннадцатом этаже, на балконе меня, верно, заждались.

Так оно и было. Увидев наконец маму, Гюро даже запрыгала. Мама казалась ей крохотной точкой, но эта точка махала руками.

— Гюро, смотри, что у меня есть,— сказала Тюлинька и дала ей бинокль.

Гюро приставила его к глазам. Сперва она видела только склон, усеянный обрывками бумаги, которые в бинокль казались очень большими. А вот и мама! Мама улыбнулась Гюро, ещё раз махнула ей рукой и побежала к метро.

— Ты завтракала сегодня? — спросила Тюлинька, когда они вернулись в комнату.

— Немножко, мы с мамой не хотели есть, — ответила Гюро.

— Тогда мы сейчас поедим, — предложила Тюлинька. — У меня полно всякой еды, даже рыбий жир есть. Ты его пьёшь?

— Да, — вздохнула Гюро, — сперва я делаю глоток молока, потом пью рыбий жир и снова запиваю молоком. Только когда его глотаешь, нельзя дышать.

— Надо и мне так попробовать, — засмеялась Тюлинька.

Они поели и перемыли посуду, то есть мыла Гюро, а Тюлинька вытирала. Потом они собрались на прогулку. Спустившись вниз, Тюлинька почему-то направилась не к входной двери, а в противоположную сторону, к двери, на которой было написано: «Для спортивного инвентаря».

— У меня есть для тебя сюрприз, — сказала она.

Там, за дверью, стояли маленькие красные санки, и на них большими чёрными буквами кто-то написал: «ГЮРО».

— Это наш дворник, — сказала Тюлинька. — Он сперва выжиг эти буквы, а потом закрасил их краской. Зато теперь всем видно, что это твои санки.

Гюро ужасно обрадовалась. Она едва слышно шепнула «спасибо», но её глаза так сияли, что Тюлинька сразу поняла, что на самом деле Гюро хотелось громко крикнуть: «Большое спасибо!»

И они пошли в лес. Гюро то пускалась бежать, так что её ноги почти не касались земли, то катилась на санках, а иногда они с Тюлинькой присаживались отдохнуть. Хотя зима ещё не кончилась, солнышко уже заметно пригревало.

Оно сверкало на покрытых снегом деревьях, и снег потихоньку таял. Гюро с Тюлинькой любовались сверкающим лесом и подкреплялись бутербродами. У них было с собой даже тёплое молоко, бутылку с молоком Тюлинька несла в толстом шерстяном носке.

В ШКОЛЕ ДВОРНИКОВ

Теперь Гюро уже привыкла ездить по утрам в метро. Она даже узнавала некоторых людей, которых встречала каждый день. Конечно, она не была с ними знакома, но всё-таки, встречая их каждый день, она уже немножко знала этих людей, а по обрывкам разговоров могла представить себе, какие они. Правда, в тот день, когда мама в первый раз поехала учиться на дворника, они вышли из дому раньше обычного, и потому в метро их окружали только совсем незнакомые люди.

В Тирилтопене мама сказала:

— Сейчас ещё рано идти к Тюлиньке, Гюро. Тебе придётся пока погулять одной.

— Хорошо,— согласилась Гюро,— а мне можно будет иногда заглядывать к тебе?

— Да,— ответила мама,— только, пожалуйста, не мешай нам, у дворников очень много дел, и мне всему надо научиться.

Этот день был совсем не похож на другие, он и начался иначе. У мамы за плечами висел рюкзак, а в нём лежал новенький комбинезон. Комбинезон был такой большой, что мама надела его прямо поверх свитера и брюк. Правда, куртку ей пришлось снять, и теперь она лежала в рюкзаке на месте комбинезона. Мама переодевалась в подъезде корпуса «Ю», там, где жила Тюлинька. Гюро смотрела и не узнавала маму в этом костюме.

— Ты похожа на дяденьку,— сказала она.

— Зато в таком костюме мне будет удобно работать,— сказала мама, она повязала на голову косынку и позвонила к дворнику.

Он открыл дверь с чашкой в руке.

— Здравствуй! — сказал он. — Ты как часы. Сейчас иду, только допью кофе. Может, и ты выпьешь чашечку?

— Спасибо, — ответила мама. — Мы уже ели.

— Здравствуй, Гюро, — сказал дворник. — Ты тоже хочешь у меня учиться?

— Нет, ей ещё рано учиться, — ответила за неё мама. — Она немного погуляет одна, а потом пойдёт к Тюлиньке.

— Пока мы будем упак³овывать мусор, она может побыть с нами, — сказал дворник. — А вот к топке детей не пускают.

Гюро выжидательно смотрела на дворника. Она слышала его слова про мусор и про топку, но думала только о том, поднимет ли он её к самому потолку, как в тот раз у Тюлиньки. Дворник заметил её пристальный взгляд.

— Неужели я сегодня забыл побриться? — пробормотал он, тронув рукой подбородок.

— Гюро, нельзя так смотреть на людей, — сказала мама, испугавшись, что дворник рассердится, и сразу стала такой, какой Гюро не любила её.

Она спряталась за маму и хлопнула её по спине, но ничего не ответила. Мама была совсем сбита с толку.

— Ты сегодня сама на себя не похожа, — сказала она Гюро.

Но дворник, кажется, кое-что понял, он отставил свою чашку на столик, подошёл к Гюро и внимательно посмотрел ей в глаза.

— Интересно, потяжелела Гюро с того раза или нет? — сказал он и протянул к ней руки.

Гюро подбежала к нему, и он поднял её высоко-высоко. Ей хотелось, как в прошлый раз, потрогать рукой потолок, но в подъезде потолок был такой высокий, что даже на руках

у дворника она никак не могла до него дотянуться.

Дворник опустил её вниз, и она сразу стала такой, как обычно. И мама стала такой, как обычно, и больше не делала Гюро никаких замечаний.

— Ну, пошли, — сказал дворник.

Повсюду было пустынно, тихо и непривычно. Будто мама, Гюро и дворник были единственными людьми на земле. Гюро побежала далеко вперёд, а потом вернулась обратно.

— Быстро ты бегаешь, — сказал дворник, — совсем как...

— Жеребёнок, — подсказала ему Гюро. — Так всегда говорил папа.

Она тут же смутилась, но быстро оправилась: как только она вспомнила про папу, ей показалось, что и он тоже идёт вместе с ними, и она снова убежала вперёд и бегала до тех пор, пока совсем не запыхалась.

Дворник открыл маленькую дверцу рядом с подъездом. Там оказалось небольшое каменное помещение, где лежали бумажные мешки для мусора и пакетики, завёрнутые в газету. Некоторые пакетики были завёрнуты небрежно, и из них торчали консервные банки, бумага, грязные детские пелёнки и даже куски сухого хлеба.

— Хотел бы я знать, что думают люди, которые выбрасывают хлеб, — сказал дворник. — Я этот хлеб всегда соби-

раю и потом отдаю одним людям, которые живут тут, в лесу, они кормят им поросёнка.

Дворник принёс с собой старые газеты. Порвавшийся пакет он аккуратно завернул в целую газету и положил в большой серый бумажный мешок. Потом он сложил туда и все остальные пакеты с мусором.

— Тебе каждый день приходится это делать? — спросила мама.

— Нет, только в те дни, когда приезжают за мусором, — ответил дворник. — Нельзя же, чтобы рабочие сами возились в этой грязи.

Мама начала помогать дворнику, но Гюро сказала:

— А помнишь, ты мне говорила, что надо держаться подальше от помойки?

Мама улыбнулась:

— Правильно, говорила. Гюро играла во дворе пансионата, — сказала она дворнику, — и я велела ей держаться подальше от мусорных бачков, от них очень плохо пахло.

— Здесь тоже пахнет не очень хорошо, — заметила Гюро.

— Но теперь это моя работа, — сказала мама, — тут уж ничего не поделаешь.

Мама взяла лопату, которая стояла в углу, и начала сгребать рассыпавшийся мусор; в это время в шахте послышался какой-то шорох.

— Эй, берегись! — крикнул дворник.

Но мама не успела отскочить, и пакет с мусором упал ей прямо на голову, к счастью, он оказался мягким. Гюро вскрикнула, дворник быстро оттащил маму в сторону.

— Больно? — спросил он.

— Нет, просто я испугалась, это было так неожиданно, — ответила мама.

— Прости, это моя вина, — сказал дворник, — я снял за-слонку с шахты. Она у меня позавчера сломалась, и всё не было времени её починить. Сейчас я её закрою. Ты видела,

на каждом этаже люки? Они выходят сюда, в шахту, и жильцы бросают в них мусор. Пакет с мусором может свалиться в любую минуту, но в такую рань этого никогда не бывало. Сейчас я закрою заслонку, когда она закрыта, здесь не опасно.

— Зато теперь я знаю, что надо быть поосторожней,— сказала мама и потрогала голову.— Мне повезло, что в пакете не было ничего твёрдого.

— Это верно,— сказал дворник и улыбнулся: чистая мамина косынка оказалась перепачканной макаронами, майонезом и ещё какой-то едой.

Мама быстро сдёрнула её с головы.

Вскоре дворник с мамой закончили свою работу. Теперь в помещении было чисто и стояли четыре бумажных мешка, туго набитых мусором.

Дворник забрал сухой хлеб, мама завернула в газету грязную косынку, и они двинулись дальше. Гюро побежала вместе с ними, но у двери котельной дворник сказал:

— А теперь, Гюро, погуляй на улице, я не люблю, когда сюда заходят дети.

Он открыл дверь, Гюро услышала зловеющий гул и увидела множество труб. В глубине котельной стояла какая-то огромная штука — это была нефтяная форсунка, она-то и гудела так страшно. В котельной было очень тепло. Гюро вспомнила, на что всё это похоже. Однажды она с папой и мамой плыла на пароходе. Папа спустился с нею вниз и показал ей машинное отделение, там так же стучала машина и тоже было очень тепло. И хотя дом никуда не плыл, а стоял на месте, котельная была как бы его машинным отделением.

— Отсюда поступает горячая вода во все трубы и краны,— сказала мама.— Вспомни об этом, когда вы с Тюлинькой будете мыть посуду.

— Не ходи туда,— попросила Гюро,— там опасно, а у тебя есть ребёнок.

— Мы будем очень осторожны,— пообещала мама.— Мне необходимо изучить, как там всё устроено. Ты сможешь узнать Тюлинькин балкон?

— Да, если она будет там стоять и махать красным платком.

— Вот и хорошо. Как только она проснётся, она повесит на балкон этот платок. Когда увидишь его, поднимись к ней.

И мама с дворником скрылись в котельной, а Гюро осталась одна. Детей на улице ещё не было.

— Обещай не выбегать на дорогу! — крикнула мама, выглянув из двери котельной.— Там много автомобилей, это опасно.

— Обещаю, — ответила Гюро.

Она и не собиралась никуда уходить, она стояла у двери котельной и, словно часовой, охраняла и котельную и маму. Рядом с дверью на асфальте были начерчены «классики» и валялся удобный плоский камешек.

Гюро начала прыгать. Иногда она чуть-чуть плутовала, но когда играешь сама с собой, это не запрещается.

— Я знаю, что это не честно,— говорила она,— но так мне интересней.

Потом она достала из своего рюкзака Вальдемара и Крестину и стала играть вместе с ними. Один раз она прыгала за себя, другой — за Вальдемара, а третий — за Крестину.

ну. Теперь она перестала плутовать, когда играют втроём, надо играть честно. Она даже чуть-чуть не выиграла, но Кристина обогнала её. Вальдемар же промахнулся, бросая камешек, и пропустил свою очередь. Гюро очень старалась, когда прыгала за Кристину.

— Ты выиграла, Кристина, — сказала она, — теперь нам с Вальдемаром ни за что тебя не догнать.

Ей не хотелось говорить, что последним остался Вальдемар, ведь он мог обидеться.

Неожиданно она услышала за спиной голоса.

— Смотри, эта девочка прыгает на наших «классиках», хотя не живёт тут!

Гюро обернулась — к ней подошли две сердитые девочки.

— Это наши «классики», — сказала одна из них. — Мы сами хотим играть!

Гюро ничего не ответила, она спрятала в рюкзак Вальдемара и Кристину и отошла в сторону. Уходить совсем она не собиралась, ведь мама была в котельной.

Девочки начали играть. И хотя они не взяли Гюро в игру, они всё время помнили о её присутствии — говорили нарочно громко, чтобы она всё слышала, и поглядывали на неё, желая убедиться, что она на них смотрит.

Вдруг за дверьми котельной раздался страшный грохот. Створки дверей распахнулись, и оттуда выехал трактор. Он был намного меньше того трактора, на котором маме приходилось работать в Гампетреффе. Но этот маленький, почти игрушечный трактор был очень сильный и тащил за собой прицеп. И как вы думаете, кто вёл его? Конечно, мама!

— Смотри-ка, тётя на тракторе! — сказала одна из девочек.

Немного проехав, мама остановила трактор, но мотор не выключила. Он громко тарахтел, и потому мама только помахала Гюро рукой. А вот дворнику шум не мешал разговаривать.

— Если хочешь, можешь немного прокатиться. Ты, наверно, ещё ни разу не каталась на таком маленьком тракторе? — сказал он, подойдя к Гюро.

Он поднял её на руки и понёс к трактору. Девочки встретились.

— Мы тоже хотим прокатиться хоть разок! — закричали они.

— Ладно, — сказал дворник. — Разрешаю вам всем прокатиться до газона, а потом мы с Эрле будем работать. Нам надо собрать весь железный лом, что тут валяется.

Девочки забрались на трактор, теперь они больше не казались сердитыми. Трактор довёз их до газона и остановился, мама спрыгнула на землю.

— У тебя дело пойдёт, — сказал дворник. — Мне повезло с такой помощницей.

— Разве эта тётя тоже работает дворником? — спросила одна из девочек.

— Да, она мне помогает, — сказал дворник. — Вы её здесь увидите ещё много раз.

— А вы нас ещё прокатите? — спросила та же девочка.

— Возможно, что и прокачу, — ответила мама, — но только не днём, а рано утром. Днём здесь будет столько детей, что, если я начну всех катать, мне будет некогда работать. И запомните, меня зовут Эрле.

— А нас Анна и Грета, — сказали девочки.

— Мама, у тебя есть мел? — спросила Гюро.

— Зачем тебе мел? — удивилась мама.

— Хочу начертить себе «классики», — ответила Гюро.

— А я видела возле котельной уже начерченные, — сказала мама.

— Это чужие, — объяснила Гюро.

— А ты прыгай на наших, — сказала девочка, которую звали Анной. — Правда, Грета? Мы можем играть все вместе, так будет даже интереснее.

Сначала Гюро хотела отказаться, но она вспомнила, как папа однажды сказал ей: «Это хорошо, что ты не злопамятна. Злопамятной быть плохо». Да, Гюро была не злопамятной. Она быстро сердилась и быстро забывала обиду. Так было и на этот раз. Гюро кивнула девочкам, и они стали играть втроём.

Гюро не выиграла, она вышла второй, поэтому она сказала:

— Ну вот, Анна первая, а мы с Гретой обе вторые.

— Нет, ты — вторая, а Грета — третья,— поправила её Анна.

— Это всё равно! — сказала Гюро.

— Анна! Анна! Где ты? Пошли скорей, а то я опоздаю на работу! — крикнул женский голос.

— Ой, мне пора в детский сад,— сказала Анна.— Бежим, Грета! Мама нас проводит. До свидания, Гюро!

Они убежали, и Гюро стало очень одиноко. Даже кататься на санках было нельзя, потому что снега уже почти не осталось. Гюро медленно осматривала все балконы. Их было много, и на одном, высоко-высоко, развевался большой красный платок. Это означало, что Гюро может подняться к Тюлиньке. На этот раз она поднималась не на лифте, но мама объяснила ей, сколько пролётов она должна пройти. А дверь Тюлиньки Гюро узнала по приклеенному к ней рисунку. Она сама его нарисовала. На нём была изображена зелёная лужайка, окаймлённая деревьями, а по лужайке бежал конь. Вернее, не конь, а жеребёнок.

НА ТЕЛЕГРАФЕ

— Гюро, не окажешь ли ты мне одну небольшую услугу? — спросила Тюлинька.

— Конечно, если смогу,— ответила Гюро.

— Тогда поедem со мной в город и пойдём на Телеграф,

где я раньше работала. У меня там остались туфли, и мне надо их забрать.

— А маме мы скажем об этом? — спросила Гюро.

— Обязательно, мама всегда должна знать, где мы, — сказала Тюлинька. — И ты посмотришь, как работают телеграфистки.

Гюро, конечно, согласилась.

— Сперва мы зайдём на Телеграф, а потом погуляем по городу и пойдём в пансионат ждать маму, — сказала Тюлинька.

— И ты посмотришь, как мама выкрасила твою комнату, — обрадовалась Гюро.

— Мою бывшую комнату, — поправила её Тюлинька.

Она надела пальто и шляпку, у которой был весёлый, задорный вид, и они отправились в путь. На улице они легко нашли маму по шуму трактора. Увидев их, мама заглушила мотор и спрыгнула на землю.

— Бьёрн уехал в город за шурупами, так что теперь я здесь самая главная, — сказала мама.

— Ты зовёшь его просто Бьёрном? — спросила Гюро.

— Конечно, — ответила мама. — Если люди вместе работают, им проще всего звать друг друга по имени.

— Ну кто бы мог подумать, что ты умеешь водить трактор! — восхитилась Тюлинька. — Я должна тебя сфотографировать! Пожалуйста, сделай серьёзный вид. Так, готово! Благодарю тебя. Сейчас мы с Гюро поедem в город, мне надо зайти на Телеграф, а потом будем ждать тебя в пансионате.

— Ты скоро приедешь? — спросила Гюро.

— Не очень, нам ещё надо кое-что сделать, — ответила мама. — Мне очень нравится работать на улице. Но к обеду я непременно вернусь. Счастливой поездки!

В метро Гюро некоторое время с удивлением разглядывала женщину, сидевшую напротив: лицо у неё было густо накрашено красной и коричневой краской, а брови и ресницы

были очень чёрные. Потом взгляд Гюро упал на Тюлинькины пальцы: они сегодня были какие-то беспокойные и всё время шевелились. Наверно, Тюлинька волновалась, что едет туда, где проработала больше тридцати лет.

Тюлинька о чём-то задумалась, иногда она взглядывала на Гюро, их глаза встречались, и тогда они начинали мысленно разговаривать друг с другом, но вслух ни одна из них не произнесла ни слова.

Телеграф находился недалеко от метро. Тюлинька шла быстро и уверенно, она привыкла к большому городу, её не смущали, как маму, широкие шумные улицы и бесконечный поток автомобилей.

— Нам сюда, — сказала она и показала на большое тёмное здание. — Сюда, Гюро, я за свою жизнь входила много тысяч раз.

Они миновали сначала одну дверь, потом другую, поднялись на несколько ступенек и попали в огромный вестибюль, куда спускалась большая, широкая лестница. Её ступени были такие светлые и гладкие, что Гюро захотелось потрогать их рукой.

— Какая красивая лестница! — сказала она.

— Да, здание солидное, — согласилась Тюлинька. — Но нам с тобой надо сперва не наверх, а вниз, я покажу тебе наш гардероб.

Гюро никогда в жизни не слышала такого слова, и Тюлинька объяснила ей, что гардероб — это место, где служащие Телеграфа оставляют свои пальто.

Гюро огляделась, но не увидела ни одного пальто, зато здесь было множество шкафчиков, не деревянных, а железных, с небольшими стальными дверцами. Все шкафчики были выкрашены в светло-голубой цвет и стояли вплотную друг к другу.

— Вот это мой шкафчик, — показала Тюлинька, — но ключа от него у меня теперь нет. Здесь я всегда вешала своё

пальто и шляпу, здесь же стояли у меня и туфли для работы. Неприятно целый день сидеть в тёплых сапожках. Мы все здесь переобувались. Покупки, которые мы делали днём в городе, мы тоже оставляли в гардеробе, а вечером забирали домой. Так что, как видишь, гардероб это очень важное место. А теперь пошли дальше, мы поднимемся на лифте.

Здесь был не один лифт, а сразу много, у них были толстые и блестящие дверцы, лифты были расположены так близко друг к другу, что казалось, будто они срослись боками.

Но Тюлинька знала точно, в какой лифт надо войти и на какую кнопку нажать.

— Сейчас будет зал, где я работала,— сказала она, и они вошли в огромный зал.

Там на выстроенных в ряд стульях сидело много-много людей. Они все разговаривали, но, к удивлению Гюро, не друг с другом, а как будто сами с собой или по телефону, хотя никакой трубки в руках у них не было. Выглядели они странно — на ушах у них были наушники, над головой висела изогнутая трубка, а перед ртом находился маленький шарик, в который они и говорили. Они нажимали на кнопки, вытяскивали или вставляли пробки, к которым были прикреплены длинные провода, и писали что-то на карточках. Но когда Гюро пригляделась, это оказались не слова, а только чёрточки.

Многие обрадовались, увидев Тюлиньку, и замахали ей руками, а одна женщина, которая была свободнее других, даже крикнула:

— Здравствуй, Тюлинька, как приятно тебя видеть! Ты уже успела стать бабушкой?

Женщины заулыбались и закивали Гюро.

— Нет, это моя подружка,— ответила Тюлинька.— А вот здесь я сидела,— шепнула она Гюро.— Вот на этом стуле. Можно, я покажу Гюро, как мы работаем,— попросила она у женщины, сидевшей теперь на её месте.

— Пожалуйста, я только закончу разговор,— сказала женщина.

Потом она встала, и Тюлинька прямо в пальто и шляпке села на её место. И хотя это выглядело смешно, потому что все остальные были без пальто и даже в передниках, Гюро сразу увидела, что Тюлиньку будто подменили. Она быстро и чётко произносила непонятные слова, поворачивала рычажки, писала на бумажке, вынимала и вставляла пробки, и Гюро видела, что делает она всё быстро и ловко.

Немного поработав, Тюлинька сдвинула шляпку на затылок и сказала:

— Ну вот, я всё и показала. Садись, пожалуйста. Мои туфли у тебя? — спросила она у другой телефонистки.

— Да,— ответила та.— Я их принесу тебе в буфет. Надеюсь, ты попьёшь с нами кофе?

— С удовольствием,— обрадовалась Тюлинька.— Гюро тоже, наверное, уже хочет есть.

Гюро кивнула головой, хотя гораздо больше ей хотелось смотреть, как работают телефонистки.

Тюлинька разговорилась с дежурной, сидевшей за письменным столом, а Гюро ходила и смотрела, как телефонистки помогают людям поговорить друг с другом. Здесь были не только женщины, были и молодые люди с бородками и без бородок. Они также ловко вставляли и вынимали пробки с длинными проводами и поворачивали рычажки.

— Раньше нас здесь было ещё больше,— сказала Тюлинька,— но теперь включили автоматические станции. Теперь человек прямо из дома может позвонить в любой уголок страны и даже за границу. Однако многим телефонистки ещё нужны. Нас иногда просят соединить с другим городом через час или два, если там никого нет дома, или спрашивают, сколько стоит междугородный разговор.

Конечно, это был странный дом. Дом для голосов — здесь звучали голоса людей, которые звонили сюда, и голоса

тех, кто помогал людям найти друг друга. Одни голоса говорили, к примеру, так: «У нас заболела бабушка, не можешь ли ты приехать?» «У нас родилась дочка!» — объявляли другие. «Герд и Фрйтьоф хотят пожениться. Непременно приезжайте на свадьбу!» — приглашали третьи. А были и такие, которые просто сообщали, какой у них сегодня обед, только потому, что им хотелось поговорить по телефону. Сюда звонили из всех уголков страны, чтобы поговорить со своими родными и знакомыми, звонили даже из других стран, находящихся за тысячи миль отсюда. И их всех здесь было хорошо слышно.

— А теперь идём в буфет,— позвала Тюлинька Гюро.

Они поднялись по лесенке и попали в другой большой зал, там за маленькими столиками сидели и ели люди.

Гюро хотелось сесть за такой столик вдвоём с Тюлинькой, но Тюлинька оглядывалась по сторонам, пока не нашла своих друзей.

Гюро получила булочку с сыром и стакан молока. Она ела и прислушивалась к беседе Тюлиньки и других телефонисток. Эти телефонистки понравились Гюро, потому что не спрашивали у неё, сколько ей лет, а лишь изредка поглядывали в её сторону и ободряюще улыбались. Они вспоминали о старых временах и интересовались новой квартирой Тюлиньки. Одна из них сказала:

— Когда я начала работать на телефонной станции, нас обучали всему: и тянуть телефонную линию, и лазить на столбы. Я сама лазила. Помню, что подняться было легко, а вот спуститься — не тут-то было.

Гюро с удивлением посмотрела на телефонистку, она никогда не видела, чтобы женщины лазили на телеграфные столбы.

Телефонистка засмеялась, поймав её взгляд:

— Это было очень давно, я была совсем девочкой. В те времена было не принято, чтобы женщины ходили в брюках,

мы носили только юбки, но лазить по столбам в юбках было неудобно, и папа дал мне свои штаны. Я была похожа на огородное пугало.

— А я специально ездила в Осло и училась на телефонистку и только потом уже начала работать дома на телефонной станции,— сказала Тюлинька.— Мне приходилось работать почти круглые сутки. Я боялась заснуть от усталости и всё время ела сахар, даже сварить себе кофе мне было некогда.

— Когда существовали маленькие телефонные станции, все знали нас и наши голоса,— сказала другая телефонистка.— Помните, как это было приятно? Тогда никто не мог обойтись без нашей помощи.

— Когда вы приедете ко мне в гости? — спросила у подруг Тюлинька.— Мне не терпится показать вам свою квартиру. Может, завтра вечером?

— С удовольствием,— сказала телефонистка, которая лазила на столбы.— В восемь мы будем уже у тебя.

— И передайте мои приглашения Лярсен и Бальтесен. Всего нас будет шестеро,— сказала Тюлинька.

Телефонистки поблагодарили за приглашение и поспешили вернуться на работу. Теперь Гюро и Тюлинька остались за столиком одни. Когда они поели и Тюлинька получила свои туфли, у них больше не осталось никаких дел на Телеграфе. И конечно, Тюлинька загрустила бы, не будь с ней Гюро.

— Давай в пансионате играть в телефонную станцию,— предложила ей Гюро.— Возьмём всякие провода и обе будем телефонистками.

— Это ты хорошо придумала,— обрадовалась Тюлинька.— Только сначала мы кое-куда зайдём.

Она привела Гюро в магазин, где продавались всякие игры и игрушки, которые надо было мастерить самим, и купила там две пластмассовые пластинки с множеством

дырочек, пластмассовый шнур, совсем такой, какой Гюро видела на Телеграфе, и маленький телефон.

— Вот что нам необходимо,— сказала она весело.

По дороге в пансионат Гюро увидела человека, похожего на её папу. И ей захотелось, чтобы он был рядом! Она бы держала его за руку, а потом обежала бы вокруг него и взяла за другую, ей хотелось вести его сразу за обе руки!

Гюро ещё раз внимательно посмотрела на этого человека: он шёл совсем как папа. Может, это он и есть? Может, он, заболев, уехал в город, а тут поправился и Гюро с мамой просто ещё не знают об этом?

Отбежав от Тюлиньки, она обогнала этого человека и заглянула ему в лицо. Он очень удивился, а Тюлинька крикнула:

— Гюро, не убегай от меня! А то выбежишь нечаянно на мостовую или вообще потеряешься. Здесь столько народу!

— Я не потеряюсь,— сказала Гюро, возвращаясь к Тюлиньке.— Просто мне показалось, что это мой папа.— И у неё на глазах показались слёзы.

— Не плачь, Гюро,— сказала Тюлинька.— У меня тоже нет папы, и я тебя очень хорошо понимаю, хотя мой папа умер, когда я была уже почти взрослой. Просто надо никогда не забывать его. Помню, я очень любила лежать в кровати и смотреть, как папа бреется. Он стоял перед умывальником и намыливал лицо толстой кисточкой. Когда он был весь покрыт белой пеной, он оборачивался ко мне и корчил рожи, а потом бритвой снимал с лица пену. Я даже сейчас помню, как приятно пахло мылом, и папа всегда давал мне потрогать и бритву и кисточку. Что тебе говорил твой папа?

— Он говорил, что все люди на земле должны познакомиться друг с другом,— вспомнила Гюро.

— А ты так и делаешь,— сказала Тюлинька.— Сегодня, например, ты познакомилась с телефонистками. Смотри, мы

уже почти дошли. Надо будет посмотреть, дома ли Андерсен.

— Старый Андерсен из пятого номера? — уточнила Гюро.

— Да, хотя он не такой уж и старый, — ответила Тюлинька. — Он только чуть-чуть старше меня. Знаешь, Гюро, тебе надо познакомиться с детьми, со взрослыми тебе должно быть скучно.

— А я и знакомлюсь, — сказала Гюро. — В поезде я познакомилась с одним мальчиком, а сегодня возле твоего дома с двумя девочками. Они сперва не хотели, чтобы я играла с ними в «классики», а потом сами меня позвали.

Так незаметно они дошли до дому. Домом Гюро теперь был пансионат и та комната, которую она занимала вместе с мамой и где стоял маленький диванчик, притворявшийся по ночам настоящей кроватью. После долгого дня Гюро была рада снова оказаться там.

Тюлинька пристроила пластинки с дырочками и шнур так, что у них получилась настоящая телефонная станция. Гюро, Вальдемар и Кристина были телефонистками, а Тюлинька изображала всех, кто звонит на телефонную станцию.

— Почему вы не отвечаете? — говорила она, изображая сердитую женщину. — Кофе вы там распиваете, что ли?

Но Гюро уже знала, что следует отвечать в таких случаях:

— Нет, мы работаем, просто перед вами большая очередь, придётсЯ вам подождать так же, как и всем.

— А теперь пойдём к Андерсену, — предложила Тюлинька, когда они наигрались.

Они постучали в пятый номер.

— Войдите, — отозвался голос Андерсена.

Он очень обрадовался Тюлиньке, но немножко обрадовался и Гюро.

— Вот это гости! — воскликнул он. — Заходите и простите, что у меня здесь накурено.

Андерсен курил длинную трубку, из неё шло много дыма, но окно было приоткрыто и в комнате было не слишком дымно. А сколько здесь было интересных вещей! Кругом стояли пароходы, большие и маленькие, а один пароходик был даже запрятан в бутылку. Раньше Андерсен был моряком, и хотя он больше не плавал, целыми днями он думал только о море и с утра до вечера мастерил игрушечные пароходики. Ещё он каждый день ходил на пристань смотреть на море и умел раскладывать пасьянс, по которому узнавал, какая завтра будет погода.

Тюлинька сказала Андерсену, что уже совсем устроилась, и пригласила его к себе в гости.

— Непременно приеду,— сказал Андерсен.— Я ни разу не был в Тирилтопене.

— Давайте сегодня все вместе пообедаем в пансионате, как в старые добрые времена,— предложила Тюлинька.— Только подождём Эрле, она выедет в половине четвёртого и скоро будет здесь.

Но мама приехала раньше, чем её ждали, потому что её привёз Бьёрн на своём смешном маленьком автомобильчике: впереди у него было два места, а сзади небольшой багажник.

— У нас будет гость к обеду,— сказала мама.— Бьёрн хочет посмотреть, как я отремонтировала комнату.

— Я тоже хочу,— сказала Тюлинька.

Все пошли в прежнюю Тюлинькину комнату, и все в один голос воскликнули:

— Как красиво!

А Бьёрн, осмотрев внимательно стены, сказал:

— Отличная работа! Может, возьмёшься помочь моему знакомому маляру отремонтировать одну квартиру у нас в корпусе «Ц»? Тому дворнику некогда, он задумал переехать в деревню и занят сейчас покупкой дома. Я тебе ничего не говорил, хотел сначала взглянуть на твою работу, но теперь вижу, что ты с этим справишься. Кто тебя учил малярному делу? — спросил он.

— Отец,— ответила мама.— Он был маляром, и я часто помогала ему. Школа у меня была хорошая, вот только диплома нет.

— А это и неважно, важно, чтобы человек владел своим мастерством,— сказал Бьёрн.— А ты работаешь на совесть.

Они пообедали все вместе, как будто были одной большой семьёй, и Бьёрн тоже был членом этой семьи. А потом он собрался домой и предложил Тюлиньке отвезти её на машине.

— До завтра, Гюро! — сказала Тюлинька, уходя.— Я тороплюсь, мне надо навести дома порядок к приходу гостей.

И Гюро с мамой остались одни. Гюро уселась на своём диванчике и стала показывать маме, как работают телефонистки на Телеграфе. Потом она спрыгнула на пол.

— А ещё я играла сегодня в «классики», мы прыгали вот так! — закричала она и запрыгала.

— Тихе, не так громко! — сказала мама.

— Тогда я лучше буду телефонисткой,— сказала Гюро и снова забралась на диванчик.

А вскоре она уже спала вместе с Вальдемаром и Кристиной, и если бы вы стали им звонить по телефону, вы всё

равно бы не дозвонились. У них был нелёгкий день, и им надо было отдохнуть, чтобы набраться сил на завтра.

ЕЩЁ ОДНО СУЩЕСТВО, КОТОРОМУ НУЖНА ТЮЛИНЬКА

В тот день Тюлинька и Бьёрн не скоро добрались до дому. Люди, работавшие в городе, спешили домой, и на всех перекрёстках стояли длинные вереницы автомобилей. Они то двигались с места, то снова останавливались и ждали своей очереди, а вместе с ними и маленький автомобильчик Бьёрна.

— Видишь, какие пробки, тут быстро не доедешь, — сказал Бьёрн.

— Мы-то с тобой уже пообедали, а вот им каково, — заметила Тюлинька.

— Как тебе нравится жить в Тириллтопене? — спросил Бьёрн.

— Нравится, — ответила Тюлинька, — а вот заниматься домашним хозяйством — не очень. Плохо у меня всё получается.

— Ничего, ещё научишься, — утешил её Бьёрн.

Так незаметно они доехали до Тириллтопена. Поблагодарив Бьёрна, Тюлинька поднялась к себе на одиннадцатый этаж.

И тут она услышала плач. Кто-то горько плакал в соседней квартире. Тюлинька вспомнила, что однажды уже слышала эти жалобные звуки, но в тот раз она была с Гюро и не обратила на них внимания.

Сейчас на площадке было тихо, и плач был слышен очень отчётливо. Но этот гóдос принадлежал не человеку, а собаке. Она громко выла у себя в квартире, и было ясно, что она жалуется на одиночество. Тюлинька остановилась у её двери и приоткрыла крышечку над щелью, сделанной для писем и газет.

— Эй, кто там! Не плачь! — крикнула она в щель.

Собака перестала плакать и, мягко ступая, подошла к самой двери. Тюлинька услышала её взволнованное дыхание и тихое повизгивание.

— Не плачь! — повторила Тюлинька. — Я здесь, с тобой. К сожалению, я не могу войти к тебе, но всё-таки мы вместе.

Пока Тюлинька стояла и разговаривала с собакой, та молчала, но когда Тюлинька, устав стоять согнувшись, отошла от двери, собака снова завывала во весь голос. Она так горько жаловалась на одиночество! Тюлиньке стало её очень жалко, и она сразу придумала, что делать.

— Потерпи минутку, дружок! — сказала она собаке. — Я сейчас вернусь.

Она зашла к себе, взяла своё вязание и кухонную табуретку и села на площадке у двери, за которой плакала собака. Тюлинька вязала и разговаривала с собакой. Та совсем успокоилась, наконец Тюлинька услышала, как она легла, наверно, ей захотелось спать. Тогда Тюлинька осторожно встала, взяла табуретку и ушла к себе.

Всякий раз, когда на площадке останавливался лифт, Тюлинька выглядывала из своей двери, она поджидала хозяев собаки. Наконец она увидела, что какая-то женщина открывает дверь той квартиры.

Дав хозяйке и собаке время поздороваться друг с другом, Тюлинька набралась храбрости и позвонила к ним.

Тут же раздался громкий лай, и дверь отворилась, хозяйка с собакой стояли на пороге. Это был щенок, но очень крупный. Он держал в зубах тапочку и с доброжелательным видом, словно давно знал Тюлиньку, вилял хвостом. Впрочем, он и в самом деле знал её, во всяком случае, её голос.

— Простите за беспокойство, — сказала Тюлинька. — Я живу в соседней квартире, на днях сюда переехала. Если хотите, я могу гулять днём с вашей собакой, всё равно я каждый день хожу гулять с одной маленькой девочкой, которую ко мне привозят.

— Большое спасибо, я была бы просто счастлива, — сказала хозяйка собаки. — Понимаете, мы с мужем целый день на работе, и наш Индивид совсем один. Не удивляйтесь, что мы его так называли, он нас с первой минуты поразил своей самостоятельностью, чем очень отличался от своих братьев и сестёр. Если вам это имя кажется слишком длинным, можете звать его просто Дивом, он будет откликаться. Конечно, с собакой много забот, но мы так любим собак, а детей у нас нет. Когда Индивид подрастёт, он будет ездить в автомобиле с моим мужем, ему приходится много разъезжать по работе. Но сейчас он ещё мал для этого, ему всего восемь месяцев, и, конечно, он очень тоскует один.

Индивид подошёл к Тюлиньке и обнюхал её. У него была добрая морда и длинная светлая, вьющаяся на хвосте шерсть.

— Какой красавец! — восхитилась Тюлинька. — Я сидела у вашей двери и утешала его через газетную щёлку. Он понимал всё, что я ему говорила, и не плакал.

— Утром перед работой мы с ним гуляем, — продолжала рассказывать хозяйка Индивида. — Ходим очень долго, и после этого он несколько часов спит. Ну, а потом просыпается и, конечно, страдает от одиночества. Ведь ему не объяснишь,

что, если мы не будем работать, нам будет нечем платить за квартиру.

— Я зайду за ним завтра в двенадцать часов,— сказала Тюлинька.— С утра я пойду в магазин и буду печь плюшки, ко мне вечером придут гости. А днём я так или иначе пойду гулять со своей дневной дочкой.

Хозяйка очень обрадовалась и протянула Тюлиньке ключ от своей квартиры.

— После прогулки впустите Индивида в квартиру и закройте дверь,— сказала она.

— Нет, нет, не давайте мне ключ, ведь вы меня совсем не знаете! — воскликнула Тюлинька.— Или, по крайней мере, спросите у Бьёрна, это наш дворник, можно ли на меня положиться.

— Я и так вижу, что вы надёжный человек,— сказала хозяйка Индивида,— и я очень рада, что кто-то уделит внимание нашему маленькому пёсику.

— Значит, договорились,— сказала Тюлинька.— Я буду с нетерпением ждать завтрашней прогулки.

Она вернулась к себе и внимательно осмотрела свою квартиру. Всё как будто в порядке, но, если она протрёт окна и пол, здесь будет ещё красивее, а Тюлиньке очень хотелось, чтобы приятельницам с Телеграфа понравилась её новая квартира.

На другой день Гюро опять приехала очень рано, но она не пошла сразу к Тюлиньке, потому что ей хотелось посмотреть, не стёрлись ли «классики». «Классики» не стёрлись, и она долго прыгала одна. Потом вышли и другие дети. Сегодня на неё уже никто не сердился.

— Ты можешь прыгать вместе с нами, ведь ты почти живёшь здесь,— сказали они.

— Если бы мне не нужно было идти в детский сад, мы бы с тобой весь день играли вместе,— сказала Анна.

— А я не хожу в детский сад,— сказал один мальчик.— И гуляю один, потому что я уже большой.

— Его мама не работает, она домашняя хозяйка, — объяснила Грета.

— А разве это не работа? — удивилась Гюро. — Моя мама говорит, что домашняя хозяйка за день делает много разной работы и у неё никогда не бывает свободной минутки.

— Какая же это работа, если за неё не платят денег? — спросила Анна. — Это не настоящая работа.

— Ну и что ж, что не платят, а работа всё равно настоящая и тяжёлая, — твёрдо сказала Гюро.

Тут из подъезда вышла Тюлинька.

— Гюро, а я и не знала, что ты уже здесь! — воскликнула она. — И я вижу, ты уже познакомилась со всеми детьми? Знаешь, у меня сегодня очень болит плечо.

— Ты ушиблась? — спросила Гюро.

— Нет, занималась домашней работой, а это так трудно, — ответила Тюлинька. — Гораздо труднее, чем быть телефонисткой. Вчера я протирала окна, а сегодня не могу пошевелить рукой. Идём со мной в магазин, ты pomoжешь мне нести покупки. Я могу двигать только одной рукой, другая меня не слушается.

— Я сильная, я тебе помогу, — сказала Гюро.

— Это твоя бабушка? — спросил мальчик.

— Нет, это моя дневная мама, — объяснила Гюро, и они с Тюлинькой пошли в магазин.

Они очень торопились, ведь вы помните, что к Тюлиньке вечером должны были прийти гости. Гюро несла пакеты в обеих руках, а Тюлинька — только в одной.

— Первым делом мы поставим тесто для плюшек, — сказала Тюлинька, когда они вернулись домой. — Месить придётся тебе, боюсь, что сегодня я не справлюсь с такой работой.

Кто из вас не любит месить тесто? Месить тесто любят все, и Гюро, конечно, тоже любила. Сперва она размешивала тесто ложкой, но когда оно загустело, Тюлинька разрешила

ей месить руками. И Гюро принялась за дело. Она месила так энергично и деловито, что Тюлиньке тоже захотелось попробовать, и она запустила обе руки в тесто. Нет, одна рука решительно отказывалась служить ей — испачканная тестом, она бессильно повисла вдоль тела. Но Тюлинька не расстроилась, и они с Гюро домесили тесто в три руки. Потом тесто укрыли полотенцем и поставили в тёплое местечко.

В это время зазвонил телефон, звонила Лиллен.

— Алло! Алло! — закричала она в трубку. — Я собираюсь приехать к тебе в воскресенье. Мне очень хочется посмотреть, как ты устроилась. Но я приеду с утра, ты ведь знаешь, что я боюсь вечером выходить из дому.

— Я буду ждать тебя, — ответила Тюлинька. — Мы с тобой пообедаем, погуляем, и ты засветло вернёшься домой. А сейчас до свидания, вешай скорей трубку, ты ведь знаешь, что, чем дольше мы будем говорить, тем больше тебе придётся заплатить за этот разговор.

Она положила трубку и увидела, что весь телефон измазан в тесте, словно он стоял не в квартире, а в пекарне.

— Ничего, мы его потом вытрем, — сказала она Гюро. — Нас ждут, нам надо торопиться.

— Мы пойдём в лес? — спросила Гюро.

— Да, но не одни, — ответила Тюлинька.

— Ты ещё с кем-нибудь познакомилась? — поинтересовалась Гюро. — Это взрослый?

— Не совсем взрослый. — Тюлинька вышла на площадку и вынула из сумочки ключ.

И тут Гюро услышала всхлипывания.

— Кто-то плачет, — сказала она.

— Да, — подтвердила Тюлинька. — Мы пришли в самый раз. Эй, дружок, я здесь! — крикнула она через закрытую дверь.

Плач за дверью стал громче. Тюлинька открыла дверь,

и на пороге показался Индивид. Он мимоходом лизнул Гюро в лицо, стащил с неё шапку, поздоровался с Тюлинькой и помчался по площадке.

— Стой! Куда ты? — крикнула Тюлинька. — А поводок?

Но Индивид и не собирался никуда убегать, он просто обезумел от радости и весело носился взад и вперёд. Не успевшую посторониться Гюро он сбил с ног, а Тюлиньке пришлось прижаться к самой стене.

— Как же нам его остановить? — сказала Тюлинька. — Давай сядем на корточки и попробуем притвориться, будто плачем, может, он нас пожалеет и подойдёт.

Они так и сделали. Гюро стала громко всхлипывать, а Тюлинька потихоньку завывала. Индивид тут же подбежал к ним и, чтобы утешить Тюлиньку, стал лизать ей лицо. Тюлинька воспользовалась этим и хотела надеть на него ошейник, но у неё плохо действовала правая рука, и Индивид, вырвавшись, снова забегал по площадке.

— Давай поплачем ещё раз, — предложила Тюлинька и снова заплакала.

Гюро поспешила присоединиться к ней. Она, если хотела, могла плакать очень громко. Они рыдали во весь голос. Индивид с интересом подошёл к ним. Но не он один. Из соседней двери вышел человек. Он был ужасно сердит.

— Что здесь происходит? — спросил он. — Я у себя в квартире не могу работать. Ведь вы взрослый человек, — обратился он к Тюлиньке. — Какой пример вы подаёте ребёнку? Вы что, ушиблись?

— Нисколько, — ответила Тюлинька. — Ну, вот, теперь я держу его достаточно крепко. Простите, пожалуйста, мы только хотели поймать собаку.

— Но это же не ваша собака, — сказал сосед. — Она живёт у меня за стеной, я её по голосу знаю, она целыми днями не даёт мне покоя.

— Вы совершенно правы, — сказала Тюлинька, — но те-

перь он больше не будет плакать. Я буду ему дневной мамой, так же как Гюро, и мы сейчас уходим гулять. Не бойтесь, больше вам никто не будет мешать.

— Посмотрим,— сказал сосед.— Видите ли, я работаю дома, а при таком шуме невозможно сосредоточиться.

— Простите, пожалуйста, мы больше не будем,— ещё раз извинилась Тюлинька.

Теперь она помнила, что ей следует держать поводок левой рукой, и легко сдерживала Индивида, хотя он тянул очень

сильно. Гюро на всякий случай крепко вцепилась в её пальто.

Индивид прекрасно знал, что такое лифт, и они без приключений спустились вниз. Там Индивид потянул к двери с удвоенной силой.

— Не спеши так, дружок, ты же видишь, мы идём гулять,— сказала Тюлинька, но Индивид не понял ни слова. Он дёрнул так, что Тюлинька и Гюро пулей вылетели за ним из подъезда. В дверях они столкнулись с какой-то женщиной, которая возвращалась из магазина с полными авоськами.

— Надо смотреть,— строго сказала она Тюлиньке.

— Я смотрю, но он очень сильный,— стала оправдываться Тюлинька.

— Не надо заводить собаку, если вы не можете с нею справиться,— проворчала женщина.

У Тюлиньки не было возможности ответить женщине, они с Гюро были уже далеко. Наконец Индивид нашёл подходящее местечко и присел на корточки.

— Бедняжка, видишь, как ему нужно было на улицу, — сказала Тюлинька. — Просто удивительно, что он столько терпел, ведь он ещё совсем маленький.

Гюро не считала, что Индивид такой уж маленький — он был гораздо больше и сильнее её, но Тюлинька сказала, что ему всего восемь месяцев.

— Видишь, он ещё даже не умеет поднимать лапу, как все взрослые псы, а присаживается на корточки, — объяснила она Гюро.

Теперь Индивид успокоился, и они пошли к лесу.

— Смотри, Гюро, эта дорога ведёт прямо в лес, она называется Сосновое шоссе. Ой, как интересно, тут под этим названием есть ещё и другое — Бабушкина дорога! Никогда не слыхала такого смешного названия. Давай пойдём с тобой по Бабушкиной дороге, хочешь? — предложила Тюлинька.

— Хочу, — сказала Гюро.

Но Индивиду Бабушкина дорога не понравилась, его гораздо больше привлекала старая лесная тропинка, там было столько незнакомых, но манящих запахов — наверняка там раньше ходили собаки! Индивид опустил нос к самой земле и потянул Тюлиньку за собой.

— Ладно, ладно, пойдём здесь, — уступила ему Тюлинька. — Но сперва я должна вас сфотографировать, я и не знала, что Индивид умеет улыбаться.

День выдался на редкость погожий, пахло весной, и птицы громко гомонили, строя свои гнёзда. Снег на дороге растаял, и на ней было полно луж.

— Почему ты не надела резиновые сапоги? — строго спросила Гюро у Тюлиньки, глядя на её мокрые и грязные туфли, впрочем, чулки у Тюлиньки тоже были грязные. — Ты можешь простудиться.

— Пустяки,— ответила Тюлинька,— дома я переобуюсь, а завтра непременно куплю себе сапоги.

В лесу Гюро уже не было надобности держать Тюлиньку за пальто, и она весело бегала по дороге взад и вперёд. Индивиду тоже хотелось побегать, тем более что он умел бегать ещё быстрее, чем Гюро, но Тюлинька сказала:

— Потерпи, дружок, я не могу тебя отпустить. Вдруг ты убежишь от меня — что тогда скажут твои хозяева? И рука меня совсем не слушается, видишь, висит как плеть. Гюро, давай беседовать о чём-нибудь, тогда я забуду, что у меня болит плечо.

Но Гюро не успела и подумать, о чём бы ей побеседовать с Тюлинькой, как им обоим пришлось думать совсем о другом. Навстречу им шёл человек с небольшой овчаркой. Индивид ничего не имел против общества Гюро и Тюлиньки, но ведь играть с чужой собакой интереснее, чем спокойно идти на поводке, и он изо всех сил рванулся к овчарке.

— Не бойтесь! — крикнул её хозяин Тюлиньке. — Моя собака его не тронет, она понимает, что это ещё щенок. Его размеры не обманут её.

Индивид обнюхал незнакомую собаку, поздоровался с ней, но этого ему показалось мало. Он начал рваться и прыгать, пытаясь лизнуть и её хозяина, и повернул Тюлиньку так, что поводок опутал ей ноги. Тюлинька наклонилась, пытаясь освободить ноги, и нечаянно выпустила поводок из рук. Индивид оказался на свободе.

— Ах! — воскликнула Тюлинька. — Пожалуйста, помогите мне поймать его!

— Непременно помогу, не тревожьтесь,— сказал хозяин овчарки. — Только пусть он сперва немного побегает.

Индивид носился вокруг, точно вихрь, но в руки никому не давался. Вскоре, однако, хозяину овчарки удалось ухватить его за поводок.

— Возьмите,— сказал он, подавая поводок Тюлиньке.

— Спасибо,— ответила она.— Это чужая собака, поэтому я боюсь отпустить её, но у меня болит правая рука и мне трудно с ней справиться.

— Если вам опять повстречается кто-нибудь с собакой, ищите подходящее дерево,— посоветовал хозяин овчарки.

— Вы хотите сказать, что нам придётся залезть на дерево? — испугалась Тюлинька.

— Нет, лезть на него не надо,— засмеялся он.— Обмотайте поводок вокруг дерева, и оно само удержит щенка. Тогда ваша больная рука нисколько не пострадает.

— Спасибо вам за совет,— сказала Тюлинька,— оказывается, я ещё многого не знаю. Надо учиться.

— Счастливой прогулки,— сказал хозяин овчарки и ушёл вместе со своей собакой.

— Гюро, ты беги вперёд и смотри, не идут ли нам навстречу собаки,— сказала Тюлинька.— Кто бы мог подумать, что в будни в лесу столько людей!

Вскоре Гюро увидела впереди ещё одну собаку, она бежала без поводка. Гюро издали предупредила Тюлиньку.

Тюлинька тут же огляделась и подошла к молодой сосне. Она успела дважды обмотать поводок вокруг ствола, прежде чем среди деревьев показалась собака.

Индивид громко залаял, приветствуя незнакомого пса, а Тюлинька шепнула:

— Тише, дружок, молчи! Может, он нас не заметит!

Не заметит! Индивиду как раз хотелось, чтобы его заметили! Он лаял во всё горло, и громадный пёс со всех ног бросился к нему. Его хозяин шёл позади. Гюро снова ухватила за Тюлинькино пальто, и у них перед глазами замелькали собачьи ноги и хвосты.

— Отзовите, пожалуйста, свою собаку! — крикнула Тюлинька её хозяину.— Если, конечно, она вас слушается!

— Бамсе, ко мне! — приказал хозяин, и Бамсе сразу же повиновался.— Видите, какой он послушный! А ваш пёс

ему очень понравился. Может, отпустите его, пусть вместе побегают и поиграют,— предложил он.

— Это чужая собака, и я боюсь, что потом не поймаю её,— сказала Тюлинька.

— Да, это опасно,— согласился хозяин Бамсе и ушёл вместе с ним.

Когда они скрылись из виду, Тюлинька размотала поводок, освободила сосну, и они втроём двинулись дальше. Дорога становилась всё причудливей, её всю переплели корни деревьев, возле них пробивалась трава. Наверно, ходили по этой дороге редко, но между тем на ней были заметны следы автомобильных колёс. Видно, кого-то не смущали ни ухабы, ни рытвины.

Вскоре Тюлинька сказала:

— Ну, Гюро, пора возвращаться. Наше тесто, наверно, уже подошло. И...

И не успела она закончить фразу, как они увидели в лесу хорошенький домик.

— Смотри, какая красота! — воскликнула Тюлинька. — В другой раз мы хорошенько его рассмотрим!

Но Индивид не пожелал откладывать это до другого раза, он изо всех сил стал тянуть к домику.

СЛИШКОМ МНОГО СОБЫТИЙ ДЛЯ ОДНОГО ДНЯ

Хорошенький домик стоял в лесу не один: компанию ему составляли дровяной сарай, хлев и совсем крохотный домик с вырезанным на дверях сердцем.

— Ох, Гюро, если бы у нас был такой дом! — вздохнула Тюлинька. — Тогда бы твоя мама была у нас дворником, я бы занималась домашним хозяйством, а ты с Индивидом бегала бы и играла здесь целый день. Смотри, какой у них красивый штакетник!

— А что такое штакетник? — спросила Гюро.

— Это изгородь, — объяснила Тюлинька.

Индивида тоже очень интересовал домик в лесу, и он всё сильнее натягивал поводок.

— Веди себя прилично, Индивид! — прикрикнула на него Тюлинька.

Индивид с удивлением посмотрел на неё: что же тут неприличного, если он хочет идти побыстрее? Ведь он был рождён для быстрой ходьбы, даже для бега. Внезапно он дёрнул поводок и оказался на свободе. Ворота были открыты, и Индивид влетел прямо во двор. Только теперь Гюро и Тюлинька увидели маленькую тёмно-коричневую собачку, которая с громким лаем носилась перед домом. Она удивилась неожиданному гостю, но нисколько на него не рассердилась. На шум из домика вышла старушка в белом платочке, широкой юбке и вязаной кофте. В руке она держала лопату, наверно, собиралась вскапывать клумбы.

— Самоварная Труба, ну чего ты так носишься, небось уже не молоденькая, — сказала она.

Собака, которую звали Самоварной Трубой, поняла, что ей сказали, и уселась перед крыльцом. У неё были такие короткие лапки, что трудно было понять, сидит она или стоит, но в том, что она сейчас отдыхает, не было никакого сомнения.

— Вернись, Индивид! — в один голос закричали Гюро и Тюлинька, стоя в воротах.

Но Индивид и не думал возвращаться. Он носился по чужому двору, и видно было, что ему здесь очень нравится. Гюро не могла устоять на месте, ведь и она тоже любила быстро побегать, и, оставив Тюлиньку, она припустила вслед за Индивидом, так что ноги её почти не касались земли, а волосы развевались по ветру.

— Быстро вы умеете бегать, — сказала старушка, стоявшая с лопатой в руке.

— Нам очень нравится ваш домик! — сказала ей Тюлинька. — Неужели вы одна здесь живёте?

— Нет, я не одна, — ответила старушка. — Здесь живут папа, мама и восемь детей, а я их бабушка.

Она достала из кармана печенье и протянула Индивиду. Он с удовольствиём съел его, было видно, что он изрядно проголодался. Бабушка взяла его за поводок, погладила и что-то ему сказала. Он совсем успокоился и стал весело повизгивать.

— Вот хорошо, — обрадовалась Тюлинька, — а я-то испугалась, что не смогу поймать его.

И она рассказала бабушке, что Индивид — её сосед и она взяла его на прогулку, потому что он очень плачет, когда остаётся дома один. Неожиданно в хлеве раздалось мычание.

— Это наша корова, — сказала бабушка, — её зовут Роза. У нас есть и телёнок по прозвищу Бычок, он уже совсем большой, а всё ещё балуется, как маленький.

— Знаете, я только что вышла на пенсию, но свободного времени у меня совсем нет, — пожаловалась Тюлинька бабушке. — Всё дела да дела.

— Это хорошо, когда дел много, — заметила бабушка, — ты ведь ещё не старая.

— Но и не молодая, — засмеялась Тюлинька. — Мы, телефонистки, выходим на пенсию в шестьдесят пять.

Вид у Тюлиньки был чрезвычайно деловой.

— Вот жду сегодня гостей, — сказала она. — Пошли скорей, Гюро. Спасибо вам за помощь. Мы непременно как-нибудь ещё придём к вам.

— Милости прошу, — сказала бабушка, — я угощу вас кофе с вафлями. Люблю, когда ко мне приходят гости. Уж очень здесь тихо, пока дети в школе. Мы с Самоварной Трубой всегда рады гостям.

— И собакам, — вставила Гюро.

— И собакам,— подтвердила бабушка.— Вашу-то как зовут?

— Индивид,— ответила Тюлинька.

— Редкое имя,— заметила бабушка.— Ну что ж, Индивид, приходи к нам ещё.

На обратном пути им больше не встречались собаки, и притомившийся Индивид чинно шёл рядом с Тюлинькой до самого дома.

Когда же Тюлинька хотела впустить его к нему в квартиру, он так опечалился, что Гюро предложила:

— Давай возьмём его к себе, ему одному так грустно.

— Конечно, возьмём,— согласилась Тюлинька.— Мы будем печь плюшки, а он может в это время поспать.

Она нашла старое махровое полотенце, постелила его в комнате, и Индивид, обнюхав Тюлинькину квартиру и познакомившись с ней, растянулся на полотенце.

— А теперь — за работу! — воскликнула Тюлинька.

Они скинули в прихожей грязную обувь, вымыли руки и стали делать плюшки. Делала их Гюро, а Тюлинька только помогала ей здоровой рукой. Плюшек получилось много, и все они были разной величины и формы. Засунув их в духовку, Тюлинька сказала:

— Вот духовка нагреется, они поднимутся и будут очень пышные. Давай пока сбивать крем. Как думаешь, ты сама сможешь его сбить? У меня очень болит рука.

Конечно, Гюро прекрасно сбивала крем. Потом Тюлинька принесла готовые коржи для торта, купленные в магазине, ведь она не знала, что плюшки получатся так хорошо, и они промазали коржи кремом. Сверху они украсили свой торт бананами и маленькими красными ягодками. Тюлинька была в восторге от их работы.

— А сейчас мы с тобой быстренько сделаем суп с фрикадельками и поедим. Сегодня твоя мама задержится на работе, и я обещала ей накормить тебя обедом.

Когда суп был готов, Гюро спросила у Тюлиньки, не надо ли накормить и Индивида.

— Конечно, надо,— решительно сказала Тюлинька.— У меня есть бутерброды с ливерной колбасой, сейчас мы его угостим.

Гюро побежала в комнату, но там Индивида не оказалось. Сперва он лежал на полотенце, это было видно по грязным пятнам, но теперь... Теперь Индивид растянулся во всю длину на новой красивой красной тахте. Впрочем тахта уже не казалась красивой и новой, она была вся испачкана грязью и собачьей шерстью.

— Тюлинька! Индивид лёг спать на твоей тахте! — в испуге закричала Гюро — она очень боялась, что Тюлинька рассердится на Индивида.

Но Тюлинька не рассердилась, только лицо у неё вдруг сделалось таким же растерянным, каким было в первый день их знакомства. Она опустилаcь на стул и тихонько прошептала:

— А у меня сегодня гости!

Да, сегодня её комната не была готова к приёму гостей! Тахта, пол и ковёр были в грязи. Окна, которые она вчера так тщательно протирала, оказались в белых разводах. И в довершение всего Индивид лежал и грыз её любимую нарядную шляпку! У него чесались зубы, а шляпка упала с вешал-

ки, и он не смог удержаться от соблазна. К тому же от шляпки так пахло Тюлинькой, которая была его другом, что ему захотелось таким образом высказать ей свое дружеское расположение.

Увидев испорченную шляпку, Тюлинька не на шутку рассердилась.

— Как это некрасиво с твоей стороны! — воскликнула она. — Я думала угостить тебя бутербродом с колбасой, но вижу, что лучше отправить тебя домой!

А Гюро поднесла ему к морде шляпку, или, вернее, то, что от неё осталось, и сказала:

— Фу, как стыдно!

Индивиду и в самом деле стало стыдно, но только на одну минутку; почуяв запах колбасы, он весело завилял хвостом.

— Совсем ты ещё глупенький! — засмеялась Тюлинька и сразу подобрела. — Не бойся, получишь свой бутерброд, но только у себя дома. Мы с Гюро уже простили тебя.

Они отвели его домой и посидели с ним, пока он ел. Когда же он прыгнул в свою корзинку и устроился спать, они вернулись к себе.

— Я думаю, он доволен сегодняшним днём, — сказала Тюлинька, открывая двери своей квартиры.

И тут им в нос ударил запах гари, по комнате плыл синеватый дым.

— Плюшки! — воскликнула Тюлинька и бросилась к плите.

Все плюшки до единой вместо золотистых оказались чёрными! Тюлинька вытащила противень и выключила духовку. Потом она открыла окно и балконную дверь. Запах гари стал медленно улетучиваться. В эту минуту в дверь позвонили. Тюлинька обрадовалась:

— Это Эрле! Сейчас она нам поможет!

Но это была не Эрле. За дверью стояла девочка чуть старше Гюро.

— Здравствуйте,— сказала она.— Меня зовут Нюсси, я живу в том корпусе, где её мама делает ремонт, и знаю, кто раньше жил в той квартире. Её мама говорит, что она хочет поработать попозже, и, если ей нельзя остаться здесь, я отведу её туда. А если она останется здесь, пусть последит, чтобы Тюлинька отдохнула после обеда,— одним духом проговорила девочка и спросила: — А что у вас сгорело?

— Плюшки,— ответила Тюлинька, и обе девочки по её голосу поняли, что ей хочется плакать.

— К Тюлиньке вечером придут гости, а она взяла к себе собаку, и эта собака здесь всё испачкала. И ещё у Тюлиньки болит рука,— объяснила девочке Гюро.

— Да, да, плечо. Видишь, рука меня совсем не слушается, она такая тяжёлая, что я ею даже шевельнуть не могу,— сказала Тюлинька.

— Подождите, я сбегая за мамой,— сказала Нюсси и убежала.

Тюлинька была не в силах что-либо делать, и Гюро показалось, что прошла целая вечность, прежде чем снова раздался звонок.

— Это мама! — закричала она.— Сейчас всё будет в порядке!

Но это оказалась чужая мама. Нюсси свою маму привела к ним на помощь.

— Мне сказали, что у вас случилась беда,— сказала Нюссина мама и внимательно оглядела комнату.— Меня зовут Эви Мадсен или просто Нюссина мама. Какая рука у тебя болит, эта?

Нюссина мама принесла с собой большое полотенце.

— Сейчас мы сделаем из него повязку, чтобы рука в ней отдыхала, и тебе сразу станет легче. Я знаю, у меня у самой так было. Кажется, что рука слишком тяжёлая и ты не можешь ею двигать. Да?

— Да, да,— обрадовалась Тюлинька.

— А ещё прими эту таблетку, она снимет боль. Ты не бойся, это слабое средство, его продают даже без рецептов.

— Спасибо,— всхлипнула Тюлинька,— но сегодня ко мне должны прийти гости, а ты только взгляни на мои плюшки!

— Ну, это не беда,— сказала Нюссина мама.— У тебя есть мука и дрожжи?

— Конечно,— ответила Тюлинька.

— Тогда я сейчас поставлю новое тесто, а пока оно подходит, уберу комнату. Хорошо?

— Ты не отказывайся, моя мама всё умеет,— вмешалась Нюсси.

— Я буду счастлива, если у тебя есть свободное время помочь мне,— сказала Тюлинька.

— Вы уже пообедали? — спросила Нюссина мама.

— Ещё не успели, но у нас есть суп с фрикадельками,— ответила Тюлинька.

— Сиди, не вставай,— распорядилась Нюссина мама.— Вы сейчас поедите здесь, а я буду хозяйничать на кухне. Сколько человек у тебя будет сегодня?

— Со мною шесть,— ответила Тюлинька.— Сперва я собиралась подать плюшки, а уже потом торт.

— Значит, нужно сварить кофе,— сказала Нюссина мама.— Сейчас всё будет готово.

— Но ведь до вечера кофе остынет! — воскликнула Тюлинька.

— Не бойся! Нюсси, сбегай домой за термосом, а я займусь тестом! — сказала Нюссина мама и ушла на кухню.

Когда Тюлинька и Гюро поели, мама вернулась в комнату.

— А теперь ляг и отдохни,— сказала она Тюлиньке,— тогда лекарство скорей подействует. А Гюро может отдохнуть в кресле. К счастью, собака не успела его запачкать.

— Я лучше поиграю с Вальдемаром и Кристиной, — сказала Гюро, — а то они не были с нами в лесу.

— Я тоже знала Вальдемара и Крестину, — сказала Нюссина мама. — Так звали двух детей, которые раньше жили в нашем доме, как раз в той квартире, где твоя мама делает ремонт. Между прочим, она оказалась превосходным маляром!

Тюлинька лежала и наблюдала, как работает Нюссина мама, и Гюро видела, что рука у Тюлиньки уже не болит.

А Нюссина мама колдовала, точно добрая волшебница, только в руках у неё была не волшебная палочка, а тряпка и щётка. Первым делом она почистила тахту, и та опять стала красивой и новой, потом она вымыла пол и протёрла окно, так что оно засверкало. Между делом она поставила печь плюшки, и они получились у неё кругленькие и ровненькие, как одна. При этом Нюссина мама несколько не торопилась, однако её руки всё время знали, что и как им следует делать.

Нюсси принесла термос, её мама наполнила его горячим кофе и закрутила крышку.

— Теперь он до вечера будет стоять горячий, — сказала она.

— Мама, можно, ко мне придёт Бритта? — спросила Нюсси.

— Конечно, — разрешила ей мама. — Я скоро вернусь.

— Знаешь, — сказала Тюлиньке Нюссина мама, когда Нюсси убежала домой, — раньше я была очень придирчивая, и если к Нюсси приходили подружки, разрешала им играть только в детской. Боялась, что они устроят беспорядок или что-нибудь сломают. Даже вспомнить смешно. И мы с Нюсси постоянно ссорились. Зато теперь мы друзья. У нас вообще всё изменилось. Раньше я работала в магазине, а потом поняла, что домашняя работа мне больше по душе, и стала заниматься только ею. Помогаю, например, вести хозяйство

одной женщине, которая работает в страховом обществе. И так кое-кому, кто обратится за помощью.

— Я непременно расплачусь с тобой за эту услугу,— сказала Тюлинька.

— И не думай, и не думай! — воскликнула Нюссина мама. — Ведь это совершенно особый случай, у тебя болит рука, и вообще...

— Тогда я не смогу обратиться к тебе ещё раз, если мне понадобится твоя помощь,— сказала Тюлинька. — Пожалуйста, не отказывайся, я уверена, что у тебя есть какое-нибудь заветное желание.

— Желание-то есть,— вздохнула Нюссина мама,— это краски. Я начала заниматься живописью. Когда-то только рисовала, а теперь пишу красками. Просто дня не хватает. К тому же я состою в правлении наших домов. Заменила там своего мужа. Оказалось, что женщины гораздо лучше мужчин разбираются в этих делах. Они лучше понимают, что нужно сделать и для дома и для детишек. Между прочим, у тебя есть ваза для цветов?

— Конечно,— ответила Тюлинька. — Только цветы я купить не успела.

— Вот и хорошо, цветы тебе, как новосёлу, преподнесёт наше правление, ты только позаботься о вазе.

Вскоре стол был накрыт и всё было готово. Закончив работу, Нюссина мама ушла домой, а ей на смену пришла мама Гюро.

— Добрый вечер! — сказала она. — Простите, что я задержалась. Тюлинька, я хочу помочь тебе накрыть стол.

— А у нас уже всё готово,— сказали Гюро и Тюлинька в один голос.

Увидев накрытый стол, мама даже ахнула и поинтересовалась, когда же они успели всё сделать.

— Это не мы, это тётя, которая умеет всё на свете! — сказала Гюро.

Одно событие так быстро сменяло другое, что Гюро не успевала даже как следует о них подумать. У Тюлиньки были гости, и от правления ей преподнесли замечательные цветы, так что она не зря заранее приготовила вазу с водой. А на другой день Гюро ходила с ней к врачу, который назначил лечение и велел Тюлиньке не перегружать себя непривычной домашней работой. Но это Тюлинька знала и без врача и не хотела лечиться.

Однако всё это только чуть-чуть занимало мысли Гюро. Она думала совсем о другом. Как-то вечером, когда они с мамой вернулись из Тириллтопена в пансионат, Гюро сразу же легла спать. Вскоре в дверь постучали, и вошла хозяйка пансионата.

— Гюро уже спит? — спросила она.

— Да, — ответила мама. — Ей приходится слишком рано вставать, и она устаёт от этих поездок.

— Мне надо поговорить с вами, — сказала хозяйка. — Я очень рада, что вы прожили у нас уже почти месяц, но теперь вам надо подыскать себе какое-нибудь другое жильё. К сожалению, на следующий месяц я сдала вашу комнату.

— Что же нам делать? — воскликнула мама. — А я думала, что мы сможем жить здесь, пока я не получу место дворника.

— Я вас понимаю, — сказала хозяйка, — но ведь вы знаете, что у нас не положено жить с детьми. Конечно, Гюро хорошая девочка и ведёт себя очень тихо, никто из жильцов на неё не жалуется, но зато многие просят меня принять в пансионат и их знакомых с детьми. И пока вы здесь живёте, у меня нет оснований отказывать другим. Я попала в очень трудное положение, и, надеюсь, вы правильно поймёте меня.

— Да, конечно, — вздохнула мама, — я вас понимаю. Видите ли, на днях должно решиться, получу ли я место двор-

ника в Тириллтопене в корпусе «Ц». И пока это неизвестно, я держала это в секрете от Гюро.

— А может, вы согласитесь на какую-нибудь другую работу? — спросила хозяйка. — Сегодня, например, я прочла в газете, что здесь, в центре города, в одном доме требуется дворник. Поинтересуйтесь насчёт этого места.

— Я непременно узнаю, — сказала мама. — Надеюсь, вы не откажетесь дать мне рекомендацию? Ведь вам понравилось, как я отремонтировала комнату, где жила Тюлинька.

— С удовольствием дам, — сказала хозяйка. — Наверно, кроме моей, у вас будут и другие рекомендации?

— Да, — сказала мама. — У меня есть рекомендация от столяра из Гампетреффа, и, кроме того, мне дадут рекомендации Тюлинька и дворник из её дома.

— Ну и прекрасно, — сказала хозяйка. — Вот вам объявление, о котором я говорила. Можете пойти туда в субботу, ведь вы в субботу свободны?

— Свободна, — сказала мама.

Хозяйка ушла, и Гюро ещё несколько минут делала вид, что спит. Сквозь ресницы она наблюдала за мамой и видела, что мама очень огорчена, хотя она и не плакала.

— Мама, — сказала Гюро, — ведь ты не виновата, что у тебя есть я.

— Ты не спишь? — удивилась мама и обняла её. — Я виновата только в том, что у нас до сих пор нет жилья, — сказала она. — Ты слышала весь разговор?

— Да, — ответила Гюро. — Мне тоже очень хочется жить в Тириллтопене,

И это была чистая правда. Теперь ей всегда хотелось в Тириллтопен, и она редко вспоминала о Гампетреффе и о том, как там было. Теперь она мечтала только о Тириллтопене.

— Если бы меня взяли дворником в корпус «Ц», нам бы дали точно такую же квартиру, как у Бьёрна, — сказала мама. — Мы с Бьёрном помогали бы друг другу, он заменял бы меня в мой выходной день, а я — его. Бьёрн развёлся с женой, но у них есть сын, и ему хочется почаще с ним видиться. Они любят ездить за город, где у Бьёрна маленький домик.

— А что такое «развелись»? — спросила Гюро.

— Это значит, что они больше не живут вместе, — сказала мама. — Так бывает — сперва двое людей женятся и живут друг с другом, но потом, обнаружив, что им вместе плохо, разъезжаются, чтобы каждый мог жить по-своему. Их дом Бьёрн оставил жене и сыну, а сам устроился дворником, чтобы иметь квартиру. Раньше он работал машинистом на большом пароходе, но теперь он не хочет уходить в плавание, чтобы иметь возможность почаще видиться с сыном.

Гюро задумалась, ей было интересно, поднимал ли Бьёрн своего сына к самому потолку, как её.

— Только, наверно, это место отдадут мужчине, — вздохнула мама. — Они боятся, что я не справлюсь с такой работой.

— Кто они? — полюбопытствовала Гюро.

— Они — это правление, которое управляет этими домами, — сказала мама.

— Значит, в этом правлении и Нюссина мама, а она знает, что ты всё умеешь, — сказала Гюро.

— Кроме неё, там есть и другие люди, — заметила мама. — Давай-ка лучше спать: утро вечера мудренее. В субботу мы с тобой узнаем насчёт того места, о котором написано в газете. Я пойду куда угодно, где меня возьмут, иначе мы с тобой останемся без жилья.

— Тогда нам придётся жить в Тириллтопене в палатке,— сказала Гюро.

И вот в субботу мама и Гюро отправились в путь, мама посмотрела по карте, они прошли одну улицу, другую, третью и наконец остановились перед старым мрачным домом. В нём был такой же подъезд с вестибюлем, как в пансионе.

Они вошли в подъезд, поднялись на второй этаж и позвонили в дверь, на которой значилась та же фамилия, что была написана в газете.

— Меня зовут Эрле Лjungмю,— сказала мама открывшей им женщине.— Я пришла по объявлению насчёт работы.

— Нам нужен дворник,— сказала женщина.

— Я знаю,— сказала мама.

— Вы интересуетесь этим местом для своего мужа? — спросила хозяйка.

— Нет, для себя,— ответила мама.— У меня есть рекомендации.

— Но ведь это мужская работа! — удивилась хозяйка.— Мы привыкли видеть на этом месте мужчину. Дворнику приходится таскать тяжести, у нас в доме нет центрального отопления, жильцы топят коксом, и дворнику надо разносить его по квартирам. Кроме того, надо мыть лестницу, подметать тротуар, а зимой скалывать с него лёд. Дом у нас небольшой, и нагрузка у дворника неполная, денег он получает немного, но зато мы предоставляем ему квартиру. А вы могли бы, кроме того, подрабатывать у меня — стирать, убирать. Меня бы это очень устроило. Идёмте, я покажу вам квартиру, которая у нас предназначена для дворника. Это на первом этаже, окна выходят во двор. Она очень уютная.

— Спасибо,— сказала мама.

В эту квартиру никогда не заглядывало солнце, в ней вообще не было дневного света: её единственное окно упиралось в высокую глухую стену.

— Ничего, Гюро,— сказала мама,— у нас будет всё время гореть лампа.

Квартира состояла из комнаты, кухни и чуланчика.

— А вы не боитесь, что дочка будет мешать вам работать? — спросила хозяйка. — Впрочем, у нас тут рядом стоянкой для автомобилей есть детская площадка. Там и ящик с песком и качели.

— Спасибо, я буду иметь это в виду, но пока Гюро ездит днём к нашей приятельнице.

Здесь, внизу, было так темно и сыро, что у Гюро сразу стало тяжело на душе.

— Конечно, вам придётся всё тут вычистить,— сказала хозяйка. — Как видите, ваш предшественник не очень-то пёкся о чистоте. Он, знаете ли, выпивал. А вы, случайно, не пьёте? — вдруг спросила она у мамы.

На лице у мамы выразилось глубочайшее изумление, но тут в разговор вмешалась Гюро:

— Конечно, пьёт, все пьют, когда хочется пить.

— Не беспокойтесь, я не пью,— улыбнулась мама. — Здесь, наверно, станет светлее, если побелить стены? — сказала она, глядя на унылые голые стены.

— Это ваше дело, если хотите, можете побелить, но, разумеется, за свой счёт,— сказала хозяйка. — Я понимаю, что сейчас здесь холодно и неудобно, но есть печка. А в чуланчике вполне может поместиться детская кроватка. По вечерам вам, наверное, захочется отдохнуть от девочки?

Гюро заглянула в чуланчик: там не было никакого окна и потому царил полный мрак.

— Нет, нет,— испуганно сказала мама,— мы с Гюро привыкли спать в одной комнате.

— Значит, вас устраивают эти условия? — спросила хозяйка.

— Мне бы хотелось подумать несколько дней,— ответила мама.

— Я не против,— сказала хозяйка,— но ведь на это место могут объявиться и другие претенденты. Сейчас в городе не так-то просто найти работу с жильём, тем более что вы не одна.

— Это правда,— сказала мама.— Я позвоню вам во вторник.

— Ну что ж, пусть будет по-вашему,— нехотя согласилась хозяйка.

Мама и Гюро вернулись в пансионат.

Вечером мама села почитать, а Гюро в уголке играла с Вальдемаром и Кристиной.

— Не бойтесь,— говорила она им,— вам не придётся спать в тёмном чулане. Мы с вами привыкли спать в одной комнате, я ни за что не пущу вас в чулан.

Воскресенье тянулось бесконечно, хотя Гюро с мамой ездили в лес и гуляли там долго-долго, словно не думали ни о чём, кроме своей прогулки.

И вот настал понедельник. Они снова отправились в Тирилтопен: мама работать с Бьёрном, а Гюро к Тюлиньке и Индивиду. Но сперва, как обычно, Гюро пришлось немного погулять одной. В то утро у дома собралось много детей. В руках у них был мел, но они не чертили «классики» на тротуаре, а рисовали на стене большое сердце, пронзённое стрелой. На стреле были написаны какие-то буквы. Гюро ещё не умела читать, но один из мальчиков громко прочёл для всех:

— «Бьёрн и Эрле — жених и невеста!»

Гюро хотела поправить его и сказать, что Бьёрн и Эрле дворники, но побоялась — мальчик был гораздо старше её.

В это время к ним подошёл Бьёрн. Он взглянул на рисунок с надписью и засмеялся.

— Ну, попали пальцем в небо! — сказал он.— Мою невесту зовут вовсе не Эрле, а Гюро. Вот она! — И он поднял Гюро высоко-высоко.— Ну-ка, озорники, сотрите побыстрей

свои художества. Сейчас сюда придёт Эрле, и ещё неизвестно, как ей это понравится.

Он стоял, держа Гюро на руках, и голос его звучал очень властно.

Дети стали стирать рисунок, но это оказалось не так-то легко: мел словно прилип к стене и без мокрой тряпки не хотел стираться.

Эрле застала их за этим занятием.

— Мы тоже рисовали на стенах, когда были маленькие. Это пустое занятие,— сказала она.— Лучше поработайте немного с нами. Кто хочет убирать мусор с газонов, тому я дам целлофановый мешочек, и мы будем играть, будто вы тоже дворники.

— Нам уже пора в школу, мы вам в другой раз поможем,— сказал один большой мальчик.

— А нам никуда не пора, мы будем играть в дворников! — закричали малыши.

Они схватили целлофановые пакетики и разбежались во все стороны, словно спешили в лес собирать грибы или бруснику.

Гюро взглянула на корпус «Ц». У этого корпуса не было сейчас своего дворника, ни большого, ни маленького. Он был совершенно один, если не считать посаженных вокруг кустов и деревьев.

А потом Гюро гуляла с Тюлинькой и Индивидом, и уж будьте уверены, что Индивид постарался, чтобы у Гюро не было времени вспоминать сырой и тёмный чулан.

Вечером в пансионате Гюро и мама не могли даже играть в лото, они могли только ждать.

— Заседание правления начнётся в шесть,— сказала мама.— Бьёрн думает, что к восьми оно уже кончится.

Гюро легла, но спать ей не хотелось. Маме не сиделось на месте, она ходила взад и вперёд по комнате, изредка поглядывая в окно. Телефонный звонок был отчётливо слы-

шен в их комнате. Он звонил много раз, но никто не стучал к ним в дверь.

И вот наконец шаги в коридоре направились прямо к их комнате. Это была хозяйка пансионата.

— Вас к телефону, — сказала она маме.

Гюро соскочила с постели, сунула ноги в тапочки и выбежала в коридор вслед за мамой.

Мама взяла трубку.

— Это звонит Нюссина мама, — шепнула она Гюро.

— Эрле, мне очень жаль, что всё так получилось, — сказала Нюссина мама. — Понимаешь ли, ты у нас была вторым кандидатом. Первым был один мужчина, он окончил курсы механиков и уже работал дворником. К твоей кандидатуре отнеслись очень неплохо, ведь у тебя такие солидные рекомендации. Два человека из правления были за тебя, но трое настаивали, чтобы у нас работал мужчина. Из них — две женщины, они сказали, что им будет неудобно обращаться за помощью к женщине, даже если она дворник. Я старалась, как могла, но ничего не вышло.

— Что ж поделаешь, — сказала мама. — Спасибо тебе за хлопоты.

В эту ночь Гюро приснилось, будто она мечется по тёмному сырому чуланчику и никак не может найти дверь, чтобы из него выбраться.

Рано утром маме позвонил Бьёрн.

— Здравствуй, Эрле, — сказал он.

— Ты, наверно, уже всё знаешь? — спросила мама. — Сейчас мы с Гюро пойдём наниматься на то место, которое нам так не понравилось.

— Не спеши с этим, — сказал Бьёрн. — Я бы хотел, чтобы ты приехала сейчас в Тириллтопен, надо посмотреть квартиру для дворника в корпусе «Ц». Бывший дворник говорит, что она в полном порядке. Сегодня оттуда увезут последние вещи.

— Какой смысл смотреть эту квартиру, если она досталась не нам? — спросила мама. — Легче от этого не будет. Я уже придумала, как я перекрашу ту комнату.

— А ты всё-таки приезжай, — сказал Бьёрн. — Я не хотел тебе говорить, да уж ладно. Вчера здесь побывал твой соперник, тот, кому досталось это место. К счастью, с женой.

— При чём здесь жена и почему «к счастью»? — спросила мама.

— Да потому что ей не понравилась квартира, — ответил Бьёрн. — И ещё ей показалось, что в доме живёт слишком много детей. Боится шума.

— Ну и что? — спросила мама.

— А то, что он отказался от места, — сказал Бьёрн. — Как видишь, иногда есть польза и от привередливых жён!

— Бьёрн, это правда? — тихо спросила мама.

— Безусловно, — ответил Бьёрн. — Конечно, тебе сначала будет трудно, испытательный срок длится весь первый

год. Но постепенно всё наладится и пойдёт само собой. Так я жду вас, до свидания!

Мама будто окаменела, она стояла с закрытыми глазами и не шевелилась. Наконец, она открыла глаза и посмотрела на Гюро, словно с трудом узнала её. Потом, схватив Гюро на руки, она побежала с ней по коридору. На маме были тяжёлые уличные туфли на толстой подошве, и Гюро испугалась:

— Тише, мама! — попросила она. — Ведь подумают, что это я.

— А это не ты, а я! — засмеялась мама и, не заметив хозяйку пансионата, налетела прямо на неё.

— Что случилось? У нас пожар? — воскликнула хозяйка.

— Нет! Нет! Просто мы получили квартиру и переезжаем в Тирилтопен, — сказала мама.

— Неужели вы предпочли эту новостройку солидному дому в центре города? — удивилась хозяйка. — В этих новых больших корпусах попадают всякие люди.

— Вот именно, — сказала мама. — Один такой корпус — это целый мир. Представляете себе, как интересно будет со всеми знакомиться. И не забывайте, Тирилтопен лежит значительно выше остального города, значит, там самый свежий воздух.

Она побежала дальше и теперь натолкнулась на старого Андерсена из пятого номера, который на самом деле был вовсе не такой уж и старый.

— Теперь-то тебе придётся приехать в Тирилтопен. Мы тоже туда переезжаем, — сказала ему мама.

— А я уже был там в субботу, мне захотелось провести Тюлиньку, — сказал старый Андерсен.

— Почему же ты ничего не сказал нам об этом? — удивилась мама.

— Не мог, это была секретная разведка, — ответил Ан-

дерсен.— Зато теперь я уже чуть-чуть знаю Тириллтопен и непременно приду к вам в гости.

— Нам с Гюро очень хорошо жилось здесь, но мы больше привыкли жить в деревне и потому за городом нам будет лучше,— сказала мама.

— А как же отопительная система, ты её уже освоила? — спросил старый Андерсен.

— Не совсем,— засмеялась мама.— Надо поступать на курсы. Я знаю, что мне будет нелегко, но мы всё равно рады. Подожди меня, Гюро, мне надо позвонить в два места.

Сначала мама позвонила хозяйке чуланчика и сказала, что её планы изменились. А потом она позвонила на склад в Гампетрефф, где хранились их вещи, и попросила переслать в Осло всё, что они там оставили. А оставили они много: и большую кровать, и маленькую кроватку, и шкаф, и щёточку для мытья посуды, и тарелки, и трёхколёсный велосипед, который, наверное, думал, что о нём давно забыли. И на складе маме обещали, что всё это прибудет в Осло с первым же грузовиком.

— Сегодня я буду бегать ещё быстрее, чем Индивид,— сказала Гюро.

Когда ей было весело, она всегда бегала быстрее, чем обычно, а так весело, как сегодня, ей уже давно не было. И она действительно бегала так, что ноги её почти не касались земли, а волосы развевались по ветру.

— Жеребёночек Гюро, быстрый как ветер,— сказала мама и засмеялась.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Маленький мальчик	3
Тюлинька	14
Недоразумение	27
Мама на стремянке	37
Мама малярничает	52
В школе дворников	59
На Телеграфе	67
Ещё одно существо, которому нужна Тюлинька	79
Слишком много событий для одного дня	90
Мама и Гюро	101

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Вестли Анне-Катрине

Г Ю Р О

П о в е с т ь

ИБ № 3601

Ответственный редактор

Н. В. Шерешевская

Художественный редактор

С. И. Нижняя

Технические редакторы

Л. С. Стёпина, Л. Н. Никитина

Корректоры

Ю. М. Измайлова, Э. Л. Лофенфельд

Сдано в набор 07.02.79. Подписано к печати 20.07.79. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. типогр. № 1. Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,51. Уч.-изд. л. 5,42. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4339. Цена 35 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушёвский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

35 коп.